

Запомни меня навсегда

Автор:

Сабин Дюран

Запомни меня навсегда

Сабин Дюран

Психологический триллер (АСТ)

День, когда муж Лиззи Хопкинс погиб в автокатастрофе, стал самым несчастным в ее жизни. Она потеряла мужчину, о котором мечтает каждая, – верного, любящего, красивого, успешного и честного...

Однако год спустя, когда Лиззи приезжает на место гибели мужа, она находит... букет. А с ним – записку от неизвестной женщины.

Возможно, произошла какая-то ошибка? Лиззи решает докопаться до правды. Однако чем больше она узнает, тем яснее понимает: ее муж был вовсе не тем, кем казался. Под маской идеального мужчины скрывался другой человек. Человек, который, возможно, вовсе не погиб, а просто инсценировал свою смерть...

Сабин Дюран

Запомни меня навсегда

Посвящается Б. С., Дж. С. и М. С.

Теперь я понимаю, почему боль утраты воспринимается как страх перед неизвестностью.

К. С. Льюис

Зак

Я стоял неподалеку и наблюдал за ней через окно школьной библиотеки. Горел свет, она прошла мимо окна дважды. В третий раз она облокотилась на подоконник и выглянула на улицу. Смотрела прямо на меня и не видела: я прислонился спиной к дереву, надежно укрывшись за густыми ветвями. Уже собирался шагнуть вперед, как вдруг рядом с ней возник мужчина, и она, смеясь и запрокинув голову, обернулась. Я представил, как он целует ее в изгиб шеи, где пульсирует вена, она прикрывает глаза, он сжимает ее грудь...

Если она с кем-нибудь сойдется, если забудет все, что было между нами, я ее убью!

И пусть пеняет на себя...

Глава 1

Лиззи

Февральские каникулы 2013

Глубокий вдох. Пахнет бензином и гниющими водорослями, во рту привкус соли. Море совсем рядом. На лице морось и брызги из-под колес проезжающих мимо автомобилей. В руках я сжимаю цветы, словно невеста перед венчанием. Я долго колебалась и выбрала гиацинты. Синие. Зак говорил, что букет непременно должен быть однотонным. Стебли я обмотала мокрым бумажным полотенцем и целлофаном. То ли слишком сильно намочила бумагу, то ли в пакете дырочка – по руке к локтю течет вода.

За шоссе – покрытый травой косогор, рощица, тень соседнего холма. Над ним бурое небо цвета грязной овечьей шерсти, темные пятна облаков, кое-где

проглядывают лучи заходящего солнца. Я цепляюсь за эти детали, потому что знаю: на другой стороне проезжей части, чуть левее, находится то самое место. Я вижу его краем глаза – посмотреть прямо не решаюсь. Пока.

Сегодня День святого Валентина, ровно год спустя после автокатастрофы, в которой погиб мой муж. Я в двухстах милях от дома, возле магистрали посреди Корнуолла. Для меня эта поездка – конец старого или начало нового, сама не знаю. Все кругом твердят, что пора начать жить дальше. Стараюсь им верить.

Дождавшись просвета в потоке машин, я перебегаю через шоссе и оглядываюсь. Мой «Ниссан Микра» стоит на полосе временной стоянки, покачиваясь от обратной тяги несущихся мимо грузовиков. Из окна салона за мной наблюдает мой пес. Такое чувство, будто за мной следят. Наверное, просто кажется: место уединенное, никто и не думает здесь останавливаться. Либо я испытываю вину, причин для этого предостаточно. Но главное – я слишком долго откладывала эту поездку.

Прийти на место аварии, оставить цветы – обычное дело. Вдоль дорог полно столбиков с примотанными целлофановой пленкой букетами в память о погибших велосипедистах. Необычно то, что я так долго не могла этого сделать. В ночь аварии инспектор Морроу, сообщившая мне о гибели мужа, была готова отвезти меня туда; патрульная машина стояла у дверей. Пегги воспротивилась. Моя сестра заявила Морроу, что заберет меня к себе, потому что пять часов езды в дождливый, продуваемый всеми ветрами Корнуолл и обгоревшие обломки машины на пустынной дороге окончательно сведут меня с ума. В другой раз. Зак умер, и я уже ничем не смогу ему помочь.

Подробности мне сообщили практически сразу. Незадолго до аварии Морроу прошла курсы психологической помощи семьям погибших в результате несчастного случая или суицида и принялась отрабатывать на мне полученные знания. Насколько я поняла, шансов выжить у Зака не было: туман с моря и мокрая дорога, крутой поворот и автомобиль с откидным верхом, на пассажирском сиденье – пара бутылок его любимого однобочкового солодового виски, в багажнике масляные краски и перепачканные тряпки плюс толстое дерево на краю дороги – все сходится.

Я никак не могла решиться на эту поездку, и никто меня не осуждал. Зак очень любил Корнуолл. После него остался домик, которым мне предстояло заняться. Рано или поздно я бы туда все равно поехала. Шли дни, недели, а во мне рос

страх. Я боялась опустевшего бунгало и чувства утраты, которое обрушится на меня с новой силой.

Меня бьет дрожь. Облака сгущаются. Пронизывающий ветер треплет полы пальто. Надо заканчивать поскорее и возвращаться к машине, пока не стемнело. Мотоцикл с ревом обгоняет грузовики, я отшатываюсь. Дома, в двухстах милях отсюда, затея казалась мне правильной, теперь от нее пахнет безумием.

Я пробираюсь по узкой обочине между белой линией разметки и железным ограждением. Медленно, шаг за шагом. Говорят, так и нужно выбираться из сложных ситуаций. Шаг за шагом. Я внимательно смотрю под ноги на усыпанную мусором землю: обертка от гамбургера, измазанная кетчупом, использованный презерватив, блестящий в грязной траве. Застрявший в ограждении пенопластовый стаканчик из-под кофе издаст хлопок на ветру каждый раз, когда мимо пронесется машина. Я подхожу к повороту и слышу гудок – то ли предупреждение, то ли изумление при виде сумасшедшей, бредущей по шоссе с охапкой цветов.

Добравшись до места, я кладу гиацинты на землю. Так правильно? Или следует прикрепить их повыше? Надо было думать раньше, хоть бы клейкую ленту догадалась взять! Зак обязательно бы так и сделал. Впрочем, мой приход вряд ли обрадовал бы его – он счел бы его не данью памяти, а оскорблением. Зак ненавидел сентиментальность в любых проявлениях. Даже юбилейные даты. Он решил бы, что я мыслю по стандарту или пошла на поводу у друзей.

«Кто тебе насоветовал, Лиззи Картер?!»

Я разглядываю дерево, его темные ветви, как жилы на фоне серого неба. В придорожных кустах зияет старый прогал, хотя на концах измочаленных побегов сидят бледно-зеленые почки. Мне больно от того, как быстро оправился боярышник – будто ему все нипочем. Я оглядываюсь, перешагиваю через аварийное ограждение, и вот он дуб, высокий и величавый, несмотря на глубокую рану в грубой коре.

Дерево Зака. Я провожу рукой по шершавому стволу, прислоняюсь к нему головой. Накатывают слезы.

Моя подруга Джейн считает, что мне не следовало сюда ехать. В ответ на заверения, что я справлюсь, она расхохоталась. Дурачась, я просюсюкала пару фраз из книжки для тех, кто перенес утрату, которую мне вручила сестра: для меня это «ритуальная поездка», цель которой – «церемония возложения цветов». Я не стала говорить всю правду – какие смешанные чувства я испытываю, как мне тяжело и как важно избавиться от призраков прошлого.

Неужели боль утраты повергает в такую растерянность всех – или это только мне «повезло»? Бывают дни, когда я смиряюсь с его смертью и хожу будто в воду опущенная. Повседневные дела вроде мытья посуды или оплаты счетов вызывают отвращение. Меня тошнит от голубей, что гнездятся напротив окна спальни, меня раздражают спешащие в школу дети. Даже мелочи выбивают из колеи. На прошлой неделе по Норткоут-роуд пронесся велосипедист в белом шлеме, и мне стало настолько плохо, что ноги подкосились. Пришлось сесть прямо на тротуар рядом с магазином «Кэпстик-спорт». Бывают дни, когда я забываюсь. Чувствую себя свободной и почти беззаботной, и вдруг накатывает волна жгучего стыда, от которой не знаешь куда деваться. На смену бодрости приходят апатия и депрессия. Я снова забрасываю все дела.

Стоя здесь, я чувствую себя ближе к нему. Для того я и приехала. Я впервые осознаю, что он действительно умер. Как бы ни было трудно, я должна его отпустить, ведь он был любовью всей моей жизни, несмотря ни на что! Пегги права. Этого мужчину я любила сильнее и дольше всех, с ним я провела больше всего минут, часов, дней... Я закрываю глаза, пытаюсь сдержать слезы, и гадаю, удастся ли избавиться от навязчивых мыслей.

Под ногами что-то хрустит. Я опускаю голову и вижу возле корней дерева букет. Лилии сорта Касабланка в простой целлофановой обертке, привязаны к стволу широкой фиолетовой лентой.

Я отступаю на шаг. Первая мысль: еще одна авария. Несчастливое место! Дорога делает крутой поворот, можно запросто слететь с шоссе. Особенно в туман или дождь.

Чужие цветы приводят меня в замешательство. Я не знаю, куда положить свои гиацинты. Лилии выглядят безупречно и значимо. Стою и не знаю, что делать. Несмотря на неприязнь к ритуалам, Зак вряд ли захотел бы видеть рядом чужие цветы. И тут я замечаю записку. На белом листе нарисовано сердце, вокруг него чье-то имя – ХАННА. Наверху большими черными буквами написано: ДЛЯ ЗАКА.

Честное слово, сначала я подумала: надо же, какое совпадение! Кто-то еще по имени Зак попал в аварию и умер на этом самом месте. Интересно, его машина тоже превратилась в «огненный шар», как выразилась инспектор Морроу?

Наконец, сообразив в чем дело, я кладу цветы на землю, чуть поодаль. Встаю, в полном трансе прохожу через прогал в зарослях боярышника, перешагиваю аварийный барьер и бреду обратно к машине, опустив голову. Подняв взгляд, неожиданно замечаю серебристый внедорожник, припаркованный вплотную к моей «Микре».

Сердце замирает. Пытаюсь перебежать через дорогу, хотя ноги не слушаются. Из-за поворота несутся машины и возмущенно гудят. Юбка треплется на ветру, концы шарфа закрывают лицо. Визг тормозов, рев клаксона. Порыв воздуха, холодные брызги из-под колес.

Кое-как открыв дверцу, падаю на сиденье. Пес радуется мне, лижет руки, виляет хвостом и в то же время пытается вырваться. В зеркале заднего вида – серебристый внедорожник. Водитель втянул голову в плечи и вырывается на шоссе. Должно быть, останавливался узнать дорогу или позвонить. Или нет?

Смотрю на себя в зеркало: веки покраснели, на щеке царапина. Глажу Говарда по голове, зарываюсь пальцами под ошейник и трогаю складки на шее. Стараюсь не расплакаться.

Нарисованное сердечко. Ханна. Он никогда не упоминал ни о какой Ханне.

Острый приступ ревности смешивается с застарелой тоской, но, как ни странно, впервые за долгое время я не чувствую себя виноватой. У него была другая. В горле ком и привкус горечи, и все же я испытываю неожиданное облегчение.

В роли Купидона выступил Интернет. Я этого не стыжусь. А вот моя сестра Пегги чересчур озабочена приличиями, поэтому заявила, что дело было не так. Якобы все началось со случайной встречи в супермаркете.

– Говорите всем, что вы столкнулись, выбирая свежие фрукты, – велела она. – Потянулись к одному и тому же ананасу или типа того.

– Либо к готовым блюдам, к примеру, – сказала я.

– Ага, выбирали свиные фрикадельки от «Мистера Брэйнса», – кивнул Зак и улыбнулся. – Или что-то подобное.

Сначала я относилась к нему настороженно. Я не понимала, что Зак во мне нашел. Увидев, как он пытается понравиться Пегги и шутит с нею на кухне, я позволила себе влюбиться.

Зарегистрироваться на сайте знакомств меня уговорила Джейн, живущая в счастливом браке с мужем, которого знает с детства. С тех пор как мы с ней познакомились в колледже, я всегда была девушкой одинокой (кроме короткого романа, случившегося со мной лет в двадцать). Мы работали в одной школе, куда она же меня и устроила библиотекарем, и на каждой перемене Джейн возвращалась к этой теме.

– Времена изменились! В этом нет ничего предосудительного. Просто выбери веб-сайт, указанный в солидной газете. Там ты найдешь правильного мужчину. Как бы тебе объяснить... – Она нетерпеливо всплеснула руками, подыскивая подходящее слово. – Образованного!

Иногда Джейн забывает, что в отличие от нее я не училась в университете.

В своей анкете я хотела написать следующее: одеваюсь небрежно, работаю библиотекарем, других умений и навыков нет, в одиночку ухаживаю за больной матерью (сенильная деменция), опыт романтических отношений скромный. Джейн решила иначе. Отпихнув меня от компьютера, она выдала: друзья считают меня веселой и компанейской искательницей приключений, обожаю путешествовать по всему свету, чувствую себя одинаково удобно и в джинсах, и в маленьком черном платье.

– У меня и платья-то нет!

– И что с того?

Зак был шестым по счету. Художник, живет в Брайтоне – гораздо дальше пятимильного радиуса, который я для себя установила. Шансов встретиться

было мало. Он позвонил и пригласил на прогулку. Считается, что отправляться на прогулку вдвоем – довольно рискованно, лучше встречаться в людных местах. Зак с самого начала показал, что ему плевать на правила. Остальные кандидаты писали мне длинные электронные письма. Чтобы лучше узнать друг друга, мы обсуждали преимущества жизни в городе и в сельской местности, сексуальное общение и дружеские отношения. Зак спросил, можно ли мне позвонить. К тому же вместо нелепых ников вроде «Ищу_Любовь_007» он использовал свое настоящее имя – Зак Хопкинс.

На фото он не был ни на лыжах, ни рядом со старинным автомобилем. Он не обнимал немецкую овчарку. Черно-белая фотография, чуть-чуть не в фокусе, снята в движении. Рот приоткрыт, вид немного хмурый и сосредоточенный, будто он разгадывает кроссворд. Вроде бы вполне обычное фото и выбрано случайно, хотя, как я поняла гораздо позже, в жизни Зака ничего не было ни обычным, ни случайным.

На прогулку я согласилась без колебаний. Низкий уверенный голос, чуть насмешливый тон. Он сразу перешел к делу. Зак очаровал меня буквально с первой минуты, ошеломил решительностью.

От Брайтона до Клэпхема он добрался на поезде, я ждала его у нового выхода со станции и очень нервничала. Стоял ноябрь, небо было затянуто тучами, на воздухе свежо, но не холодно. Зак надел меховую шапку и теплое пальто поверх мешковатого льняного костюма. По дороге я с трудом сдерживала Говарда, пришедшего в дикий восторг от этой шапки, а Зак признался, что потратил уйму времени на выбор одежды.

– Хотел произвести на тебя впечатление. Ведь ты обожаешь путешествовать по всему свету! – Он чуть поклонился. – Еще мне хотелось придать нашей встрече нотку экстравагантности, которую мы оба потом вспоминали бы.

Представляешь, когда-нибудь и ты спросишь: «А помнишь ту меховую шапку, что ты надел на наше первое свидание? И о чем ты только думал?» Вдобавок у меня есть дополнительное преимущество, – он принял соответствующую позу, – пальто выгодно подчеркивает мое спортивное телосложение!

Зак был настолько красив, что при разговоре с ним я терялась. Широкие плечи, пронзительный взгляд синих глаз, высокий рост. На предыдущем свидании, сидя в кафе «Старбакс» с мистером Хорошим Парнем, инженером электросвязи в «Кристалл палас», я увидела наше отражение в зеркале. Покатые плечи, лица

бесстрастные и при этом беззащитные. Будто две черепахи без панцирей. Я не понимала, что Зак делает рядом со мной. Зачем ему тратить на меня время? В его речи чувствовалась легкая нервозность, он явно пытался форсировать события и поскорее сблизиться. Он был прямой противоположностью беззащитной черепахи, эмоции у него били ключом.

– Телосложение у тебя отличное, – наконец пробормотала я.

Не успели мы подойти к перекрестку на Южной Кольцевой, как Зак взял меня за руку и сунул ее к себе в карман, чтобы согреть.

Это самое яркое впечатление нашей первой встречи: теплые загрубевшие пальцы, сухие от масляных красок и растворителя, потрескавшаяся ладонь. Я вспоминаю вовсе не его разговорчивость, не пальто и нелепую шапку. Во время прогулки он не просто держал мою руку в своей. Он поглаживал ее большим пальцем, будто мясо перед покупкой ощупывал.

Позже, когда мы узнали друг друга ближе, он рассказал о трудном детстве и о своих проблемах с доверием. Как проникновенно он смотрел в глаза – у меня тело плавилось от его взгляда! Зак признался, что знакомиться в Интернете его заставило вовсе не одиночество. Одиноким женщины попадались буквально на каждом шагу, но он искал чего-то нового. Ему хотелось начать с самого начала.

Я поворачиваю ключ зажигания и трогаюсь. Движение на дороге плотное. Конец субботнего дня, местные возвращаются с футбольного матча. С полей наползают сумерки. Мне нужно проехать еще двадцать миль – я обещала Джейн, что доберусь до домика Зака засветло. Только она знает, как страшно мне туда возвращаться.

Я выбираю длинную дорогу: обходная через Бодмин, потом по главной до Уэйбриджа. Две стороны треугольника. Этим путем Зак ездил в Галлз, пока не нашел более короткий маршрут. Морроу выяснила, что год назад Зак проскочил нужный съезд и свернул на следующей кольцевой развязке. Морроу предполагает, что он выпил. Зак наверняка был очень уставшим, ведь днем раньше он засиделся допоздна с арт-дилером в Эксетере, провел беспокойную ночь в гостинице и потом целый день писал свои картины на болотах.

Я вспоминаю последний раз, когда видела его живым – утром накануне аварии. Маленькая кухонька в Вандсуорте. По радио передавали результаты дополнительных выборов в Хэмпшире. Я опаздывала на работу, с опаской набросила пальто, взяла собачий поводок, нахлобучила шляпку. На пути к двери Зак схватил меня за рукав. Зрачки его были сужены, радужка посветлела. Похоже, настроение его резко изменилось.

– Я тебя люблю! – страстно воскликнул он, притягивая меня к себе. – Ты ведь знаешь?

– Знаю, – ответила я. Никогда в этом не сомневалась.

– Потому что это действительно так. Я люблю тебя!

Он страстно поцеловал меня в губы. Я почувствовала вкус кофе, мяты и вчерашнего виски. Как всегда, я поддалась, ноги ослабели, сил сопротивляться не было. Внутри все сжалось, на глаза навернулись слезы. Если бы он коснулся губами ямки на шее, я наплевала бы и на работу, и на страх и поднялась бы с ним в спальню.

– Извини, что положила в курицу грибы, – сказала я.

– Я думал, ты знаешь, – ласково ответил он.

– Как я могла забыть! Извини, что задержалась вчера. Пегги беспокоилась из-за ребенка.

– Она вертит тобой как хочет, – неодобрительно заметил Зак.

Подошел Говард и ткнулся носом мне в локоть. Я почесала его за ушами. Ему нездоровилось, и я встревоженно приложила руку к его груди.

Зак отвернулся.

– Ты любишь эту псину больше, чем меня!

– Нет!

Он переставил кофейник и свою чашку так, чтобы ручки были повернуты в одну сторону. Поправил чайную ложечку на блюдце.

- Поклянись!

Я поднялась с колен и заставила себя рассмеяться. Решение принято, я уйду. Письмо написано и отправлено, он получит его в Корнуолле. Лучше, если он прочтет его там, подальше от меня. Я надеялась, что наш последний завтрак вместе пройдет хорошо. Собственный голос казался мне слишком высоким и сдавленным, пересохший язык едва ворочался во рту.

- Клянусь, что я не люблю пса больше, чем тебя!

Перед его гибелью мы разговаривали еще дважды: я позвонила ему вечером и на следующий день после обеда. Мне просто хотелось напоследок услышать его голос. Он был в Дартмуре, на холме Косдон, и писал старинные развалины. Унылые и мрачные, сказал Зак, они тянутся вдаль будто безымянные могилы. Ему нравилось писать в гаснущем свете дня. В свой домик он собирался вернуться уже затемно. Я попросила его быть осторожнее на неосвещенном участке дороги. Это был наш последний разговор.

Я сворачиваю с автострады, снижаю скорость и двигаюсь к мосту. Дорога сужается до одной полосы. Я включаю фары. Я соблюдаю все ограничения скорости. Зак говорил, что я езжу как старуха. Ему нравилось обижать меня, очень часто его шутки перерастали в оскорбления. Стараюсь вспоминать больше таких моментов, чтобы меньше по нему скучать.

Не помогает.

Можно одновременно любить и ненавидеть! Боль утраты – как удар в живот, жгучая обида – как ответный удар. Этот мужчина – самое лучшее и самое худшее, что случилось в твоей жизни. Ты давно решила уйти, и все же, вспоминая его прикосновения, теряешь голову даже год спустя...

Мое письмо еще в доме. Целый год оно провалялось нераспечатанным. Наверняка лежит под грудой рекламных пицц, счетов за телевизионную антенну и коричневых конвертов с избирательными извещениями.

Слава богу, Зак умер прежде, чем прочитал письмо! Хотя бы за это стоит быть благодарной. Он так и не узнал о моем предательстве.

Доберусь до места и сразу сожгу письмо!

Переключаю скорость, начинаю подъем. Машина дергается. Говард свернулся калачиком на переднем сиденье, даже головы с лап не поднял.

Я проезжаю мимо кемпинга, и за живой изгородью мелькает бархатистое море. Вдруг в зеркале заднего вида вспыхивают фары. Водитель не приглушил дальний свет, машина совсем близко. Дорога идет под уклон, я нажимаю на газ и несусь прочь. Что за идиот, думаю я. И тут фары появляются вновь. Слепящий свет, машина висит чуть ли не у меня на бампере. Раздается гудок. Я вспоминаю серебристый джип на придорожной стоянке. Это не он? Я не вижу ни моря, ни берегов, ни дороги – только яростный свет фар. Мы едем все быстрее и быстрее, вниз по склону до самой деревни. Возле магазинчика я съезжаю с шоссе и с визгом тормозов останавливаюсь.

Машина проносится мимо и исчезает. Говард вскакивает и утыкается носом в окно. Снаружи темно, подсвеченные стойки с ящиками овощей смахивают на виселицы, и вдруг меня накрывает тишина.

В книжках для тех, кто перенес утрату, описано несколько стадий, которые укладываются во вполне стандартную схему: шок, неверие, торг, злость, депрессия, принятие. Похоже, я увязла в своем горе. В той книге, что подарила Пегги, «Жизнь после утраты», есть глава про патологические реакции. Бывает, что понесший утрату не в состоянии двигаться дальше. Думаю, именно это со мной и происходит.

Никто никого не преследует. Мне это просто кажется! Вина выжившего перед умершим. Незаконченное дело.

Если бы я забрала те лилии, то теперь могла бы до них дотронуться, потереть пальцами пыльный атлас лепестков, вдохнуть тяжелый запах и знать, что они мне не почудились.

Ехать осталось недолго, еще немного по сплетению ухабистых дорог, повторяющих контур холма. Галлз находится по другую сторону, ближе к краю утеса, где кончаются дома. Я включаю радио и преодолеваю последний отрезок пути, тихонько напевая вместе с Тейлор Свифт.

Глава 2

Лиззи

Вход в домик Зака, переделанный из старого гаража соседского дома, заслоняют мусорные баки на колесах. Наклонный газон засыпан гнилыми грушами, оставшимися с прошлого лета. Стебли вьющейся розы, которую я посадила у крыльца два года назад, лежат на земле.

Я подхожу к домику сбоку, как пугливая кошка. Мне никогда здесь не нравилось. Место слишком глухое. Дорога разбитая, безлюдно, дома выглядят пустыми и заброшенными, даже если в них кто-то живет. Зак купил дом после смерти матери якобы от большой любви к уединению и дикой природе, однако было в этом некоторое притворство. Думаю, он считал, что именно так должен жить настоящий художник. Вообще-то он ненавидел одиночество.

Ключ с трудом входит в скважину, замок, наконец, открывается. Я осторожно толкаю дверь, чтобы не помять ворох почты. Где-то внизу лежит мое письмо. Уничтожу его, как только найду.

Дверь поддается, и я вглядываюсь в темноту. Никого. Никто здесь не жил. Цветы от Ханны заставили меня усомниться. Пахнет сыростью. Во мраке угадываются очертания мебели. Я переступаю через порог и нажимаю на выключатель. Не работает. Споткнувшись о коврик, бреду к камину и зажигаю лампу. По пыльному крикетному столику Зака разливается желтый свет. Я провожу рукой по гладкой дубовой поверхности, оставляя след в форме капли.

Как глупо бояться дома! Я обхожу комнаты, включаю свет. В ванной потек кран. В кухне возле тостера «Дуалит» полно мышинного помета, в трещину рамы пробрался плющ. Глазурованные чашки аккуратно стоят в ряд, ручки повернуты

в одну сторону. Экощетки для мытья посуды, изготовленные из древесины березы, плотно воткнуты в специальный горшок. В воздухе витает резкий запах. Наверное, из-за сырости.

Спальня выглядит так же, как в последний раз, когда мы здесь были: подушки взбиты, пуховое одеяло без пододеяльника свернуто в рулон под стеганым покрывалом. Накрахмаленное и пахнущее лавандой постельное белье лежит в нижнем ящике шкафа. Помню, как мы его убрали. Зак разглаживает простыни широкими ладонями, лицо сосредоточенно, мы двигаемся навстречу друг другу, обнимаемся, падаем на кровать, смеемся, долго целуемся... К чему отрицать – в такие моменты мы были абсолютно счастливы!

Колени дрожат. Сажусь на край кровати, прислоняюсь головой к стене. Вряд ли мы с Заком подходили друг другу. Никто не мог понять, что он во мне нашел. Его уверенность, моя застенчивость. Внешность у меня самая заурядная, он же постоянно ловил на себе восхищенные взгляды. При виде него продавщицы непроизвольно расплывались в жеманной улыбке. Какая выгодная партия, думали мои друзья. В их глазах читалось – надо же, как ей повезло! Джейн завидовала новизне, которую Зак привнес в мою жизнь. Однако на меня подействовало нечто противоположное. Буквально сразу я почувствовала, что мы с ним связаны, неразделимо связаны. Всплывали общие знакомства, обнаруживались бесчисленные точки пересечения. Он учился в школе с моим бывшим начальником. Мы снимали квартиры в одном и том же квартале Клэпхема, были соседями, сами того не зная. Он озвучивал чувства, которые я сама не могла облечь в слова. Он заступался за меня, чего раньше не делал никто. Он торопил события и поднимал такие важные для меня вопросы («Сколько у нас будет детей?», «Где будем жить на пенсии?»), что в один прекрасный день я поняла: я знаю его всю жизнь, и мы будем вместе всегда.

А в постели, сбросив одежду, мы подходили друг другу идеально. То, о чем я читала в книгах, оказалось вовсе не расхожим штампом. Я действительно таяла в его руках. Я не знала, где заканчивается он и где начинаюсь я. Ночи напролет мы растворялись друг в друге. Я знаю, так оно и было, несмотря на всю его опытность. Его руки в моих волосах, напряженная тишина, исступленная му?ка, искажающая его прекрасное лицо, когда он проникает в меня. Потом вздохи, тяжесть тела, впечатывающего меня в кровать, шершавый подбородок в изгибе моей шеи. Стон удовольствия, с которым Зак притягивает меня к себе. Я обладала властью над ним!

Я сижу с закрытыми глазами, потом распахиваю их и с удивлением вижу на полу шнур, воткнутый в розетку на стене. Трогаю его ногой. Грязно-белый, наполовину свернутый, посередине адаптер. Я опускаюсь на колени, шарю под кроватью и достаю оттуда серебристый ноутбук – «Макбук эйр».

Я верчу его в руках, чувствуя холод металла, и пытаюсь понять, откуда он тут взялся.

У Зака был такой. Он постоянно на нем печатал, заноса в компьютер свои идеи, заметки по живописи и новым проектам. Он был им одержим. Никогда не спускал с него глаз. Уезжая из Лондона, он взял ноутбук с собой. Он был в машине, когда Зак погиб. Он сгорел. Значит, это другой. Наверное, чужой.

Я открываю его. Высвечивается надпись «Зак Хопкинс, введите пароль». Экранная заставка – вид с вершины утеса. Низкие облака, волны Атлантического океана. Любимый пейзаж Зака. Дрожащими руками я захлопываю ноутбук и осторожно кладу его на кровать.

Зак ни за что не позволял мне к нему прикасаться. Как-то раз я убрала компьютер с кухонного стола, чтобы протереть под ним, и Зак так грубо вырвал его у меня из рук, что ноут упал на пол. Он поднял его, проверил, все ли в порядке, отругал меня, и я выбежала из комнаты, чтобы муж не видел моих слез. Позже мы помирились. Он прижался ко мне в постели и извинился за свою слишком резкую реакцию.

«В этом ноуте – вся моя жизнь».

Я тихо встаю, стараясь не шуметь. Выдвигаю ящик, в котором Зак держал старые вещи. Вроде бы не хватает синих шортов, серой толстовки и поношенного ремня, обычно лежавшего свернутым в углу. Я опускаюсь на колени и заглядываю под кровать. Там была сумка (в шкафу она не помещалась), теперь ее нет. Бегу на кухню, заглядываю в духовку, в буфет, вытряхиваю посудные полотенца. Исчез фонарик и припрятанные на всякий случай деньги, фунтов сорок, что раньше были в коробке из-под мюсли. Я снова обхожу дом, осматривая комнату за комнатой уже совсем другими глазами. На стене в гостиной вижу темный прямоугольник и пустой гвоздь. Там висела картина. Одна из ранних работ Зака – написанная грубыми мазками женщина в дверном проеме. Он любил порядок во всем, так что его охотничьи сапоги должны быть в

шкафу, на своем обычном месте. Мои старые синие сапожки там и стоят. Его – темно-зеленые, сорок третьего размера, левый пожеван Говардом и тайком заклеен специальным клеем, купленным через Интернет, – отсутствуют.

Груда почты так и лежит у порога. Я поднимаю ее, кладу на стол, роюсь в коричневых конвертах, бесплатных газетах, рекламках сантехников и электриков, счетах за газ и телевидение, роняю их на пол. Письма нет.

Говард все еще в саду. Я открываю дверь и зову его. Снаружи холодная корнуолльская ночь, с моря доносятся порывы чуть теплого ветра. Стоит полная тишина. Пес убежал на улицу, видимо, что-то учуял. А может, Зака ищет. Я кричу громче.

В голове крутятся фразы. «Любимый, – начала я. – Мне нужно пожить отдельно, мне нужно больше личного пространства...» Стандартные фразы, лживые сантименты, которые так ненавидел Зак. Я слишком боялась написать правду. «Будь честной, – говорил он. – Посмотри мне в глаза! Скажи, что ты чувствуешь». Иногда я настолько пугалась его неистового желания узнать все, что не чувствовала вообще ничего.

– Ты для меня все, – повторял Зак. – Без тебя мне не жить!

«Ты любишь пса больше, чем меня».

Говард не идет, и я возвращаюсь в кухню. Там стоит искусственно состаренный мусорный бак от голландского бренда «Брабантия» – Зак любил, чтобы все его вещи были высочайшего качества. Он всегда относился внимательно к мельчайшим деталям. Я открываю крышку.

На дне лежит смятое письмо и конверт.

– Говард! – Я выбегаю наружу и громко-громко зову пса, сама не своя от ужаса.

Собака несется скачками, поскользывается на мокрой траве, валится с ног. Он тыкается носом в мои колени, потом вбегает в дом. Грязные лапы оставляют следы на паркете, на светлом ковре. В груди резкий спазм. Страх: надо поскорее убрать, пока Зак не увидел.

После аварии я перестала выключать свет на ночь. Я стала мнительной. Окна и двери проверяю по два-три раза. Сознание меня подводит. Общаясь с людьми, не могу понять, выразила ли свою мысль вслух или только подумала. Джейн говорит, что я повторяюсь. Порой надолго замолкаю. Будто чего-то жду. Руки и ноги наливаются свинцом. Мне кажется, что я упаду с лестницы, ударюсь головой и переломаю все кости. Я боюсь умереть.

Повсюду мне мерещится Зак. На улице или на платформе метро я вижу мужчину средних лет, и сердце замирает. Я бегу, расталкивая людей, догоняю его, или он поворачивается, и я понимаю, что это совсем не Зак, а незнакомец с похожей походкой, небрежной стрижкой или с плечевой сумкой, как у мужа.

Пегги твердит, что я должна избавиться от его одежды. Но это невозможно! Как же я выброшу его туфли и рубашки? Ведь они понадобятся, когда он вернется.

Инспектор Морроу говорит, что такое бывает. Мозгу нужно время, чтобы выстроить новые ассоциативные связи. Сердце отказывается верить в неизбежное. Я как солдат, испытывающий фантомные боли в ампутированной конечности. Нейрогенное нарушение. Вроде бы, когда я немного приду в себя, это прекратится.

Я все еще жду. И мое замешательство только растет. Зак словно дышит мне в затылок. Как-то раз я осталась в библиотеке одна, расставляла книги по полкам и вдруг почувствовала знакомый запах лосьона после бритья. «Аква ди Парма – Колония Интенса» (не «Ассолюта» – однажды я их перепутала). Свет померк, будто кто-то встал в дверном проходе. Когда я выбежала в коридор, там уже никого не было.

Кто-то забрался в наш дом. То есть в мой дом. Хотя «забрался» – громко сказано. Никто не взламывал замок, не разбивал окно, следов проникновения не было. Не тронули ни мою сумочку, ни телевизор, ни мелочь с кухонного стола. Забрали только айпод Зака. Морроу сказала, что в наши дни подростки берут исключительно электронные игрушки, которые легко перепродать. Как ни странно, дверь была плотно закрыта, почта аккуратно сложена на столике в холле. Неужели это я ее сложила? Не помню. Морроу считает, что я оставила дверь незапертой. Приглашение для воров. Постоянно допускаю подобные промахи. Я представляю, что Зак воспользовался своим ключом и вошел в дом, и

по спине бегут мурашки – то ли от страха, то ли от тоски.

По ночам я слышу странные звуки. Несколько недель назад посреди улицы остановилась машина. Из опущенного окна неслась его любимая песня – Элвис Костелло, «Я хочу быть любимым». Автомобиль стоял с включенным двигателем прямо напротив моего дома. Музыка была настолько громкой, что я услышала ее из спальни на другой стороне. Пока я добрела до окна кабинета, машина уехала. Я увидела лишь свет фар в конце улицы.

Я мечтаю о нем почти каждую ночь. В объятиях сна, плотно закрыв веки, я чувствую, будто его лицо прижимается к моему. Кладу руки между ног и представляю, как его губы касаются моей шеи, потом опускаются к груди, пальцы ласкают мои соски. На меня накатывает тяжесть, я крепко сжимаю простыню, закусываю ее зубами. Проснувшись утром, мне чудится, что он забрался в окно и проскользнул в постель. Запах его кожи, вмятина от головы на соседней подушке. Он был со мной всю ночь. Наверняка это Зак довел меня до оргазма.

Я никому об этом не рассказываю. Подумают, что я сошла с ума. Пегги говорит, что, утратив любовь всей жизни, вполне естественно ненадолго выпасть из реальности. Однако вряд ли она предполагала, что это продлится больше года. Может быть, ровно год. Пегги следует прописным истинам. В ее жизни всегда идеальный порядок.

Джейн кое-что известно о моей семейной жизни, хотя и без подробностей.

Во мне живет тьма, некоторые воспоминания сжигают меня изнутри. О них не знает ни сестра, ни подруга. Я никогда не смогу им рассказать.

Письмо и конверт я сжигаю, стоя на крыльце. Подношу спичку, смотрю, как бумага сворачивается в пламени, сметаю серый пепел. Зак был здесь. Я чищу зубы, полощу рот водой из-под крана (сначала течет ржавая), сажусь в кресло, не снимая верхней одежды. Пытаюсь мыслить здраво. Я так боялась его реакции, что отправила письмо за двести миль. Я разговаривала с ним за час до смерти. По его тону невозможно было догадаться, что он прочел письмо. Он лгал даже тогда, сдерживал гнев и размышлял, что он со мной сделает.

За окнами темнеет. Раздаются ночные шорохи: в окна бьется ветер, в карнизах шуршат мыши. Хочется удрать, снять номер в отеле или вернуться в Лондон, но я не могу двинуться с места. Лучше подожду. Если он где-то там, пусть приходит. Я это заслужила.

Сказать по правде, у меня никогда не хватило бы духу от него уйти. Зак был остроумный, уверенный в себе и талантливый, однако меня привлекала в нем именно его темная сторона. Иногда он был мрачен без повода, у него ни с того ни с сего болела голова, с ним случались вспышки ярости (направленные вовсе не на меня, по крайней мере сперва). После прогулки с моей сестрой и ее мужем Зак долго возмущался, как Роб унижил его: «Ты видела, как он ухмылялся всякий раз, когда упоминал мою живопись?» Зная его слабости, я любила его еще больше. Я знала причину его навязчивых идей, комплексов и ненависти к покровительственному тону. В школе видела, что делает с детьми жестокое обращение в семье – они становятся замкнутыми и злыми, им кажется, что все попытаются их обидеть. Понимала, что его выходки никак не связаны со мной (не та еда, не та одежда), хотя он говорил другое. Я знала это точно. Но ближе к концу все настолько усложнилось, я так глубоко погрузилась в его переживания, что оставшуюся после утраты пустоту уже не заполнить ничем.

Я вспомнила Ханну, записку в форме сердечка и ощутила к незнакомой женщине прилив такой дикой, неприкрытой ревности, что защемило в груди. Была ли она его любовницей? Я представляю Зака рядом с собой, чувствую дыхание с привкусом виски, прикосновения рук. В самом начале он сказал, что моя одержимость им весьма трогательна. Сравнил меня с новорожденным гусенком, который привязался к первому попавшемуся на глаза живому существу.

Прошел год. Он долго выжидал, пока я решусь на поездку в Галлз. Теперь он сделает свой ход.

Я готова.

Он получит все, чего хочет.

Я не буду спать всю ночь.

Зак

Июль 2009

Меня бесит, как она жует. Рот полуоткрыт, маленькие зубки скрипят, челюсти чавкают. Перед каждым куском облизывает губы. Понимаю, что не стоит обращать на это внимания, и ничего не могу с собой поделать. Меня прямо воротит. Квартирка слишком маленькая, зря я переехал. Похоже, в том-то все и дело. Этот дом вызывает у меня клаустрофобию. Каждый раз, когда она плюхается на диван, пружины стонут.

Она глаз не сводит с телевизора. Раньше мы готовили ужин на скорую руку. Теперь едим сплошь готовые блюда. Сотни четыре калорий или даже меньше. Закончив есть, она ставит поднос прямо на ковер. Изгваздала юбку мисо-соусом и даже не заметила. Поднимает ноги, кладет мне на колени. Она в носках, на щиколотках следы от тугих резинок. Я отстраняюсь, прикрываю пах. Потом сдвигаю ее ноги в сторону, встаю и отхожу к окну.

Жаль, отсюда не видно моря. Только красные и серые крыши, а вдалеке стеклянный купол торгового центра. Это меня в Брайтоне и не устраивает. Почему все дома не выходят окнами на море? Почему строителей заботил ветер, а не свет? Ей нравится, что здесь тепло и уютно: две квадратные комнатки, от телевизора до кровати пару шагов. На соседней улице мне приглянулся домик в георгианском стиле, похож на свадебный торт, рядом парк. Там бы я пожил!

Возвращаюсь на диван, дожидаясь особо громкого эпизода и говорю, что мне нужно подышать свежим воздухом.

– Прости, милый! – восклицает она, вскакивая с дивана. – Давай посмотрим что-нибудь другое! Хочешь, переключу?

Я молчу, делая вид, что размышляю, хотя все давно решил. Мыслями я уже на улице, вдыхаю кислород. Пытаюсь изобразить заботу.

– Что ты, моя девочка! Тебе нужно отдохнуть. Я ненадолго.

На свежем воздухе становится легче, хотя у нее было такое лицо, что мне немного жаль. Впрочем, сама виновата. Я хочу, чтобы у нас все было хорошо, по крайней мере раньше хотел. Что же с ней не так? Разве она не понимает, как счастливы мы могли быть? Она девушка не глупая, господи, зарабатывает на жизнь психометрическим тестированием! Давно пора понять, как надо себя вести. Не ценит она меня, вот и вся проблема.

В Брайтоне самый разгар лета. На тротуаре валяются перевернутые мусорные контейнеры, черный пластик хлопает на ветру. Тошнотворный запах гниющих фруктов мешается с вонью жарко?го с едким привкусом китайской кухни. Несколько парней дерутся, выпихивая друг друга на дорогу – прискорбный конец мужской дружбы под аккомпанемент равнодушной перебранки. На пляже расположилась компания девиц. Лежат на гальке, вытянув обожженные ноги, и заливаются пронзительным смехом. На айфоне дребезжит песня Рианны «Амбрелла». Девицы кричат: «Элла, элла, элла». Пьяные курицы! С шопинга вернулись, что ли, – под головами у них фирменные пакеты «Примарк». Видимо, совместили приятное с полезным и накидались в баре в часы скидок. В лучах заходящего солнца море мерцает как нефть. Жирные грязно-серые чайки горделиво расхаживают по дорожкам. Даже чайки здесь отвратительны!

Раньше я прогуливался по набережной до пирса. Не то чтобы мне нравились мигающие огни или рокот волн. Просто надоели подворотни, и я не хочу проходить мимо галереи «Чистый холст». Будто переворачиваешь камень, а под ним мокрицы – дергают мерзкими лапками. Три моих работы так и не проданы. Никому они здесь не нужны. Людям ни к чему ни мощь, ни глубина. Они хотят видеть на картине детишек с совочками, небо должно быть в тон шторам в гостиной. Какое мне вообще до них дело? Буду ориентироваться на тех, кто понимает. Звонил Джим, сказал, что сегодня поступило еще три заказа. Ножки новорожденного и две мамы, которые хотят отлить в гипсе пухлые ладошки своих отпрысков. Определенно, жителям Брайтона не хватает собственных конечностей.

Винный бар Грина в стороне от главной улицы, поэтому там довольно тихо. Вдобавок посетителей больше не интересует старый добрый французский стиль, им подавай что-нибудь культурно-историческое, с местным колоритом. Прикидываю, кому бы позвонить, хотя собеседник сейчас из меня никудышный. Вот продам картину, тогда другое дело. Сажусь в углу, на краешек стола присаживается новая официантка (крашенная блондинка, мощная рука в автозагаре), я делаю заказ: жареный цыпленок с тушеным картофелем и

стручковой фасолью. Приносят еду, я делю ее на части. Сначала съедаю картофель, потом фасоль и, наконец, курицу, обильно поливая все горчицей, чтобы в голову ударило. Иногда я готов на все, лишь бы почувствовать себя живым.

В квартиру вернулся уже в темноте, телевизор был выключен. Шарлотта успела обратиться в гостиную, ждала меня в спальне. Нижнее белье сменила. С утра на ней было застиранное серое, вечером – красно-черный кружевной лифчик и стринги. В мусорном баке я видел пакет из магазина белья «Ла Сенза». Не знаю, что на меня больше подействовало – то ли жалость, то ли пошлость комплекта, но неожиданно для самого себя я возбудился. Она извинилась, хотя вряд ли поняла, за что именно. Вышло по-моему, как я и хотел, вот только зачем мне это? Внутри пустота. Не знаю, чего я ищу, все кажется бессмысленным.

После вернулся в гостиную, налил стаканчик «Гленгойла». Здорово поправляет, когда я сам не свой. В окне фиолетово-оранжевое небо, горят белые и желтые фонари. На соседней улице ночной клуб, грохот музыки доходит и досюда. Неподходящий вариант. Мне тесно и в этой квартирке, и в этом городишке. Ковер слишком сильно электризуется, мебель слишком хлипкая. Здесь из меня лезет все самое худшее. Лучше бы я жил в Корнуолле. Может, стоит туда переехать.

Нет! Мне нужна нежность, наивность. Мне нужна та, что спасет меня от самого себя.

Думаю, я могу быть счастливым. Было бы здорово.

Что-то непременно случится. Так дальше продолжаться не может.

Где-то там меня очень ждут.

Глава 3

Лиззи

Резко просыпаюсь. Шея затекла. В ногах лежит Говард. Он поднимает голову, потом опускает ее.

Восемь утра.

По окну скребет ветка.

Шевелю ногами, Говард встает. Комнату заполняет тусклый свет. Сегодня облачно. Поверить не могу, что уснула! Все по-прежнему: входная дверь заперта, кипа почты лежит на полу, там же, где я оставила ее вчера.

Вроде бы надо вздохнуть с облегчением, но я чувствую себя совершенно разбитой. Я дрожу и вскакиваю с кровати. В доме холодно. Я в той же одежде, что и вчера – старая мамина юбка, которую я нашла в глубине шкафа. Зак был бы недоволен. В самом начале он отнес все мои любимые флисовые кофты и джинсы в магазин подержанных вещей. Ему нравились лишь те вещи, которые покупал для меня он сам. Однажды Пегги отдала мне лиловое платье-халат, а Зак сказал, что мне не идет, и платье исчезло из моего гардероба.

В комодке я нашла старую рубашку Зака – тонкий серый батист, спереди пятно. Это я виновата. Положила поверх выглаженного белья перьевую ручку, она и потекла. Зак застал меня в ванной, когда я пыталась вывести его с помощью пятновыводителя «Стейн Девил». Так и вижу, как он стоит в дверном проеме с холодной усмешкой на губах. Я подпрыгнула от неожиданности.

«Меня испугалась?» – спросил он.

Я ответила, что нет. Старалась изо всех сил, чтобы голос не дрогнул.

– Просто знаю, как для тебя это важно! Вот и пытаюсь уберечь нас обоих от лишнего стресса. Ведь это всего лишь рубашка!

Мой тон его поразил. Он смешался. Зак редко осознавал, что его навязчивые идеи выходят за рамки нормы. В такие моменты я чувствовала, что владею ситуацией. Внизу живота разлилось тепло, я взяла мужа за ремень и притянула к себе.

Я прижимаю рубашку к лицу, касаюсь ткани губами, вдыхаю непривычный запах. Дома я пользуюсь другим стиральным порошком, в здешнем магазине такого нет. Одеваюсь, сверху набрасываю старый свитер Зака. Запасные носки тоже нашлись. Замечаю свое лицо в зеркале. Бледная и усталая. Он любил, когда я была накрашена. После его смерти я не пользуюсь косметикой. Красная помада, которую купил он, куда-то подевалась. Я сижу на кровати в его одежде, и меня накрывает волна печали и вины.

Накатывают мысли, которые я долго и упорно подавляла. Вдруг он прочел мое письмо и помчался в Лондон, чтобы высказать все мне в лицо? Вдруг он был настолько пьян и зол, что летел, не разбирая дороги? Вдруг он погиб по пути ко мне?

Не утратила ли я объективности восприятия? Не слишком ли много времени я провожу в одиночестве?

Пора отсюда выбираться.

Кроссовки еще сырые, я лезу в шкаф за резиновыми сапогами. С удивлением обнаруживаю, что сапог Зака на месте нет. Наверное, он их обул. Может, он отправился на прогулку по приезде, прошелся вокруг дома, смел паутину и потом нашел мое письмо? Я представляю, как он неторопливо возвращается в дом, веселый и беззаботный, поднимает письмо и... Думать об этом невыносимо!

Я хватаю сапоги, в спешке сбиваю на пол кондиционер для белья. Ставлю бутылку обратно, рядом со стиральным порошком. Сок и щетка, которыми я пользовалась вчера, тоже соскочили с крючка. Либо я была настолько погружена в свои страдания, что не повесила их на место, как учил Зак, а просто швырнула в шкаф. Я вешаю их, обуваю сапоги, хватаю поводок Говарда и отпираю входную дверь.

Ветер крепчает; я беру с заднего сиденья непромокаемую куртку, застегиваю капюшон, чтобы не дуло в уши, вынимаю из карманов перчатки. Мобильник лежит в углублении на дверце со стороны водителя, где я забыла его вчера. Разговаривать ни с кем не хочется, но я обещала позвонить Джейн и Пегги.

Выпрямляюсь, захлопываю дверцу и краем глаза замечаю какое-то движение. На другой стороне улицы стоит девушка с длинными волосами, в синем пальто. Она

пристально смотрит на меня. Лица с такого расстояния не видно, вдобавок меня смущает ее поза – ноги широко расставлены, плечи сгорблены. Может, она потерялась?

– С вами все в порядке? – кричу я и иду к ней, но она молчит.

Я перехожу на другую сторону улицы, девушки уже нет – скрылась в конце дорожки, что тянется вдоль домов.

Иду следом, повсюду лужи – дожди шли несколько недель. Дорожка вьется между заборами, вдоль отеля, на вершину утеса. Там цивилизация заканчивается, начинается поросший травой склон.

Море появляется, как всегда, неожиданно. Зак говорил, что оно его успокаивает. Чувствуешь, как оно приближается, в воздухе витает запах, да и свет на открытом пространстве совсем другой. Широкий простор. Сегодня море беспокойное, поверхность волнистая, как шерсть терьера. Цвета чередуются – то серый, то зеленый, кое-где видна белая пена, горизонт размыт. Мыс Степпер на другой стороне бухты словно лоскутное одеяло, состоящее из зеленых и горчично-желтых фрагментов, окружен узкими полосами песка. Над головой носятся и верещат чайки. Сзади, с торца отеля, кричат иссиня-черные галки.

Я представить не могла, что буду настолько счастлива. Когда встретила Зака, то воспринимала себя лишь в качестве тети, сестры и дочери, никак не возлюбленной. Настроилась лишь на приятное общение. Все изменилось в считанные месяцы, и вот мы уже шагаем, взявшись за руки, по заросшему дроком утесу, мои волосы треплет ветер, в его глазах – море. Однажды он сказал, что я не перестану поражать его своим жизнелюбием, более того, умудряюсь и его заразить. Мне никогда не доводилось ни на кого влиять. Я часто вспоминаю тот разговор, потому что до сих пор не могу понять, что Зак во мне нашел.

Мимо проходит старик с черным лабрадором, я уступаю дорогу. Мне трудно дышать. В горле ком, в груди словно вакуум, не могу вдохнуть. Я кусаю губы. Чувство утраты и пустота гораздо хуже ночных страхов. Поэтому я и откладывала поездку сюда. Без него весь мир утратил краски. Зак часто спрашивал, хочу ли я умереть раньше него или позже. Конечно, раньше, отвечала я.

Ускоряю шаг. На краю мыса стоит скамья, рядом богатые загородные дома с телескопами и балконами, на которые вечно заглядывался Зак. Я сажусь и смотрю на волны, накатывающие на черные скалы.

Я нащупываю телефон. Сигнал вроде есть. Сперва набираю Джейн, она не отвечает. Все ясно: воскресное утро, время второго завтрака. Вероятно, они с Санджаем отправились в какое-нибудь новое кафе неподалеку от дома. Потом будет подробно рассказывать. Она из тех, кто находит утешение в еде, любит маффины, яйца по-бенедектински, лепешки с мясом по-турецки. Скажу ей, что у меня все хорошо, она сделает вид, будто поверила. Возможно, упомянет Сэма Уэлхема – нового учителя психологии. Она обожала Зака – моего рыцаря без доспехов, моего сказочного принца, как она его называла, – но считает, что мне нужно жить дальше.

Пегги берет трубку. Я смотрю на море и бодрым голосом довожу до ее сведения, что Галлз на месте. Да и я тоже, добавляю я. Такое чувство, что ее кухня в Клэпхеме, увешанная детскими рисунками, уставленная грязной посудой, находится очень далеко. Сестра не смогла навестить маму. «Сама знаешь, какие у меня выходные», – поясняет Пегги. Она готовит воскресный обед, ее пятилетний сын помогает. «Нет-нет-нет, – повторяет она. – Осторожнее, Алфи! Извини, Лиззи. Ты как, не слишком грустишь? Осторожнее! Горячо!» Зака всегда раздражало, что материнство Пегги распространяется буквально на все сферы ее жизни. Меня это, наоборот, умиляет. «Перезвоню позже!» – говорит она и вешает трубку.

Я встаю. Нужно дойти до магазина и кое-что купить, потом договориться о встрече с агентом по недвижимости. Дел немного. Я вполне с ними справлюсь. Обхожу последний уступ и вижу внизу деревню, вытянувшуюся полукругом вдоль бухты, полоска пляжа усыпана камнями. Сейчас отлив, море плещется вдали. Серферы в черных неопреновых костюмах уныло сидят на желтых досках. Дети носятся по берегу, взрослые неспешно прогуливаются, некоторые с собаками. Там же стоит фургон «Оседлай волну! Серфинг от Гарри», хотя волн нет и в помине.

Зак любил это место. Вообще-то он вырос на другом побережье, в деревушке на острове Уайт. В юности он познакомился с девушкой, которая жила здесь в загородном доме, и благодаря ей неплохо узнал Галлз. Когда умерла мать, он продал ее дом и вложил деньги в здешнюю недвижимость. Зак думал, что порвал с прошлым, хотя, на мой взгляд, он вернулся к тому же, от чего хотел

уйти: маленький замкнутый мирок среднего класса, к которому привык с детства. Как говорится, линялые красные штаны, столь любимые городской аристократией, во всем своем блеске. Сменил одну привилегированную приморскую общину на другую.

Некоторые называют Брайтон «Лондоном у моря» или «Южной столицей». Забавно, какая убогая фантазия у богатых и как все они ездят на отдых в одни и те же места. У родителей многих моих учеников либо загородные дома, либо родственники в Брайтоне. В то лето с Заком я постоянно сталкивалась со знакомыми. Мне было крайне неудобно и ужасно неловко. У них на лицах читалось: что здесь забыла эта чудаковатая библиотечка? Во время таких встреч мои руки безвольно свисали вдоль тела, голос дрожал. С замиранием сердца гадаю, встречу ли кого-нибудь сейчас.

Прикрепляю поводок к ошейнику Говарда, выхожу на дорожку, ведущую к парковке. С горы течет речушка, скрывается под мостом и выбегает на пляж, растекаясь серебром по песку. На скалистом берегу в траве запутались пластиковые пакеты, валяется перевернутая тележка из супермаркета. Трое мальчишек, побросав велосипеды, швыряют в нее камешки. Местные? Я перехожу мостик, направляюсь к выстроившимся в ряд магазинам. Возле «Спара» топчутся две мамочки с кучей детишек. Отдыхающих видно сразу, они одеты в лыжные куртки из гусиного пуха с меховой оторочкой. Местные ребяташки на великах – в одних футболках. Женщины читают потрепанное объявление на двери магазина: пропал человек.

– Господи, представляешь, каково это? – потрясенно шепчет та, что выше ростом. – Жить и не знать, что с ним случилось! Искать его повсюду...

– Немыслимо! – восклицает вторая. Она кладет руки на плечи маленького мальчика, который пытается пролезть под штендер с рекламой мороженого «Уоллз», и тихо спрашивает: – Думаешь, он погиб?

Я собиралась кое-что купить, но женщины загораживают вход. Я отворачиваюсь и делаю вид, что люблю пейзажем. Рядом магазинчик для серферов, над ним кафе-бар. Поддавшись минутному порыву, я поднимаюсь по ступенькам, Говард взбирается следом.

На балконе пока слишком холодно. Белые пластиковые стулья составлены в стопку, полосатые зонтики сложены. Толкаю дверь, вхожу в шумный зал. В основном здесь собрались люди семейные, сидят маленькими и большими группками, некоторые столики сдвинуты. Помещение просторное, без перегородок, небесно-голубые стены, выбеленное дерево, фигурки чаек на палочках – тот самый типично морской декор, от которого Зака тошнило. Пахнет пивом и прогорклым маслом. Дети пьют горячий шоколад. Заливается плачем младенец.

Я сажусь в баре спиной к залу и заказываю кофе. Надо бы поесть, только не хочется. Молоденькая официантка приносит миску воды для Говарда и опускается на корточки, чтобы его погладить. Она из Литвы, поясняет девушка, родители живут на ферме и держат много собак. Во время беседы она склоняет голову набок, на бледном измученном лице непередаваемое выражение. Так иногда смотрят школьники – одновременно искренние и ранимые. Ее хочется обнять. Мы разговариваем недолго, потому что появляется владелец кафе, официантка хватая стопку меню и бежит сломя голову.

Пытаюсь вспомнить, как зовут владельца. Кумон? Имя странное. Когда Зак приезжал сюда писать, они общались, пили виски, играли в покер.

Заметил меня. Проводит руками по седеющим кудрям, непроизвольно поправляет бледно-голубой свитер. Мы оба не прочь притвориться, что не увидели друг друга, но уже поздно. В его глазах поволока, за которой он пытается скрыть панику. За последний год мне часто приходилось видеть этот взгляд. Я улыбаюсь, потому что хотя люди ждут от меня печали, от улыбки им становится легче.

– Детка! – Он склоняется на барную стойку, почесывая эспаньолку. Вряд ли он помнит, как меня зовут. – Как жизнь? Как сама?

– Хорошо.

Он смотрит на меня и слабо кивает головой.

– Кулон! – окликают его новые посетители.

Раздаются громкие голоса, входит большая компания. Я бросаю взгляд через плечо и быстро отворачиваюсь. Алан Мерфи, член парламента. Его жена Виктория – подруга юности Зака, с которой он проводил лето в Брайтоне. Кажется, они живут в Винчестере, здесь у них загородный дом. Он – восходящая звезда партии консерваторов, она – экономист-аналитик, тоже личность известная. Местные знаменитости, причем не из последних – по их собственному мнению. Зак терпеть не мог Мерфи, поэтому перестал общаться с Викторией; впрочем, однажды мы столкнулись с ними на прогулке по мысу Требетерик. Хотя Зак меня представил, вряд ли Мерфи вспомнит.

– Кулон! – надсаживает голос член парламента. – Как твои дела, старый черт?!

Ну да, Кулон, а не Кумон. Он приветственно машет левой рукой. Отворачивается, и выражение его лица меняется.

– Елена, передвинь столики! Поставь эти два рядом. – Он оборачивается ко мне. – Бедняга Закамундо!

– Да уж.

Кулон качает головой:

– Черт, я по нему скучаю.

– Да уж, – повторяю я.

– Представляешь, сукин сын задолжал мне за ту последнюю игру, прямо перед...

– Он должен вам денег? Боже, я непременно верну...

– Нет-нет! Ерунда! – Он хлопает по стойке, вздыхает с облегчением. С вдовой друга общаться нелегко, но ему удалось выйти из затруднительного положения с помощью щедрого жеста. – Пустяки, забудь!

Я делаю вид, что читаю разложенные на стойке газеты. Хотя вокруг члена парламента Алана Мерфи уже стоит несколько человек, он разговаривает нарочито громко, пытаясь привлечь всеобщее внимание и получить больше

слушателей. Заняв пост министра культуры, СМИ и спорта, он стал темой частых обсуждений в нашей учительской. Сэм Уэлхем утверждает, что Мерфи намеренно изображает шута, на деле же он человек совершенно беспринципный. Пегги его обожает, по крайней мере того политика, которого он корчит из себя в телешоу «У меня для вас новость» – сплошное самовосхваление и нахальство. Говорят, он воплощает новую тенденцию в политике – возвращение ярких личностей. Зак называл его надутым петухом. Интересно, что бы он сказал сейчас, видя, как Мерфи обрабатывает посетителей кафе, распушив перья?..

- Надолго приехал? Да здесь просто рай!

Трудно от него отвлечься. К Говарду подходят две девочки, начинают его гладить и нежно ворковать, треплют пса за уши. Я откладываю газету. Голоса кажутся знакомыми. Угги, леггинсы, длинные светлые волосы. Они из Лондона, учатся в средней школе Уэндл. Элли и Грейс Сэмюэлс, близняшки из седьмого класса.

Элли поднимает взгляд.

- Мисс Картер! – радостно вскрикивает она.

- Здравствуйте, девочки. Как отдыхаете?

За нами наблюдает полная женщина в огромном вязаном свитере и в очках, из свиты Мерфи. Она поднимается и быстро идет через весь зал к нам, ловко протискиваясь между стульями.

- Уф! – морщится она. – Извините. Не зря Брайтон называют «Южной столицей»! Это какой-то кошмар – стоило ехать в такую даль, чтобы повсюду наткаться на ребят из школы!

- Ничего страшного, – отвечаю я. – Они такие милые.

- Я всегда говорю дочкам: встретишь учителя – сделай вид, что не узнала.

- Ну что вы, я отношусь к этому вполне спокойно.

Она заправляет волосы за уши.

– Мы живем с родителями в Пэдстоу, сюда приехали погулять с друзьями. – Она неловко кивает в сторону Мерфи, опасаясь, что я подумаю, будто она хвастается связями. – Алан учился с моим мужем в школе. А у вас вроде бы здесь был загородный дом?

– У покойного мужа. Так, небольшое бунгало. Он приезжал сюда писать картины. Я решила выставить дом на продажу.

Она слегка краснеет.

– Я знала, что ваш муж погиб, просто забыла. Примите мои соболезнования!

– Спасибо. Друзья посоветовали ничего не предпринимать в течение года. Год прошел, и вот я здесь!

– Бедняжка! – Она кладет руку мне на плечо. – Вы слишком молоды для таких потерь! Представляю, какое потрясение!.. Надеюсь, вы приехали не одна?

Ее искреннее сочувствие впивается в меня будто острый кинжал. На глаза наворачиваются слезы. Я опускаю взгляд, качаю головой. Женщина руку не убирает. Передо мной лежит газета, открытая на обзоре новостей, и я смотрю, как на нее будто в замедленной съемке падает слеза и расплывается.

– Что у вас там, Сью?

За миссис Сэмюэлс возникает Мерфи, обнимает ее за живот и кладет подбородок ей на макушку. Я быстро утираю глаза тыльной стороной ладони и пытаюсь улыбнуться.

– Напомните-ка мне! Мы знакомы? – В жизни он ниже, чем на телеэкране, зато гораздо симпатичнее. По словам Зака, успех придал ему уверенность, которой раньше не было.

– Ах, Алан! – Сью пытается вырваться.

Он покачивает ее из стороны в сторону, будто в танце.

- Мы точно знакомы.

Я откашливаюсь.

- Встречались пару раз. Я Лиззи Картер, жена Зака Хопкинса.

- Зак Хопкинс. Ну конечно! - Он выпускает Сью и садится на соседний табурет. - Как поживает старина Зак?

Сью взмахивает руками, словно пытаюсь его остановить.

- Алан... - начинает она.

- Вы вовсе не обязаны знать, - говорю я. - Он погиб в автокатастрофе.

- Погиб? Неужели? Господи, я и не знал! Простите! Когда это случилось?

- Год назад.

- Мне ужасно жаль! Примерно тогда же пропал Джолион. Кошмарный месяц! О боже!

- Мисс Картер работает в школе, где учатся Элли и Грейс, - поясняет Сью. - В библиотеке.

К нам подходят двое мужчин из свиты Мерфи и встают за его спиной. Друзья? Родственники? Телохранители?

- Патрик! - громко обращается Мерфи к одному из них. - Ты знал, что Зак Хопкинс умер?

Тот тихо отвечает:

- Вообще-то да.

Мне очень хочется выбраться на свежий воздух. Это выше моих сил, я не заслуживаю их доброты. Непринужденное светское общение и полезные знакомства не для меня. Только не сейчас! Надо уходить. Однако я ничего уже не могу поделать – кто-то перешептывается, что-то затевается. Грейс с Элли забирают поводок Говарда, Сью обнимает меня за плечи.

– Алан прав, Виктория наверняка будет рада вас видеть! – говорит Сью. – Она так расстроится, услышав про Зака.

– Обед! – горланит Мерфи. – Девочку нужно как следует накормить!

– Что вы, право, не стоит, – отнекиваюсь я, но Сью держит крепко, по лицу елозит ее мягкий свитер.

– Поехали с нами в Сэнд-Мартин! Мерфи любит, когда много народу. Выпьем по коктейлю, а потом и по делам можно. Это ненадолго! Вы не должны оставаться одна!

То ли она слишком добрая, то ли я слишком безвольная (как говорил Зак), то ли из-за остроты ощущения утраты я позволяю отвести себя к машине и еду с ними.

Глава 4

Лиззи

До Сэнд-Мартина ехать недалеко, но дорога непростая – вверх по крутому утесу позади деревни, влево от стоянки домов-фургонов, вдоль широкого поля. С каждым переключением скорости я все больше жалею, что поддаюсь уговорам.

Мерфи и его свита едут впереди в длинном черном лимузине с тонированными стеклами. Меня усадили в обшарпанный мини-вэн вместе с Сэмюэлсами. У Тима Сэмюэлса мешки под глазами, настроение наигранно бодрое. По пути он рассказывает, что он профессиональный аудитор (скука смертная, моя дорогая) и уже полтора года ищет работу.

– Мы по-прежнему надеемся! – бодро восклицает с заднего сиденья Сью, а Тим всем своим видом выражает сильное сомнение.

За коваными воротами возникает загородный дом Мерфи – квадратный и белый, с высокими георгианскими окнами и покрытой серым шифером крышей. Будто домик из детских сказок или из романов Мэри Уэсли, он разительно отличается от плотной застройки приморского курорта.

Мы захлопываем дверцы машины и идем по покрытой гравием дорожке на крики галок. Подъездную аллею обрамляют рододендроны, вокруг большой лужайки растет самшит, на террасе расставлены горшки с лавандой. На газоне между машинами и деревьями стоит засыпанный палой листвой огромный батут. Вокруг страховочная сетка, вся в дырах. Рядом валяются два детских велосипеда.

Из травы взлетает стая белых голубей. Говард вырывается от Грейс и мчится за птицами, потом забывает про них и ныряет в кусты.

– С ним ничего не случится! – кричит Мерфи. – Кролика почуял. Далеко ему не убежать.

Парадный вход и крыльцо находятся сбоку, хозяин открывает защелку и распахивает дверь. Гости гурьбой просачиваются в широкий холл с покрытой ковром лестницей. Стены бледно-розовые, кое-где висят маленькие акварели в рамках. Чучело лисы на задних лапах держится передними за кованую подставку для зонтов, забитую теннисными ракетками. Мерфи проводит Сэмюэлсов в гостиную, велит им чувствовать себя как дома, потом берет меня за руку, бросает пальто на перила и кричит:

– Дорогая! Почисти еще пару картошек. Я привел к нам на обед Лиззи Картер.

– Кого?! – раздается голос из другой комнаты.

– Ну, помнишь прелестную Лиззи Картер из...

– Нет! Никакую, черт возьми, Лиззи Картер я не помню! – Неожиданно голос становится громче. – Какого черта, Алан?! Откуда в моей кухне гребаная собака?

– О боже! – Я срываюсь с места и едва не сталкиваюсь в дверях с Викторией, вытирающей руки о передник. – Извините! Это мой пес. Ради бога, извините!

Говард выскакивает у нее из-за спины, поводок волочится следом, подсекает Викторию, она раскидывает руки со страдальческим видом, чтобы все заметили, как непросто ей сохранить равновесие. Высокая и стройная пепельная блондинка с длинными волосами, одета в зауженные джинсы и серый мужской кашемировый свитер, на губах матовая розовая помада. Один передний зуб чуть заходит на другой. Лицо хмурое и недовольное.

– Ради бога, извините! – повторяю я.

Мерфи кладет руки мне на плечи.

– Вик, ты помнишь Лиззи – жену бедняги Зака Хопкинса? Ужасная авария. Ты знала?

Я снова смотрю на Викторию, ожидая, что она хоть немного смягчится, однако на ее лице появляется странное выражение: то ли любопытство, то ли презрение.

– Знала, – кивает она. – Сожалею о вашей утрате.

– Спасибо, – отвечаю я.

– Мы с Заком давно не виделись, пожалуй, с юности.

– Вы познакомились на острове Уайт, да?

– Мои друзья по Бенендену ездили туда каждое лето. Ну, вы знаете, эти закрытые частные школы... ученики всегда дружат большими компаниями.

Я молчу, и она поворачивается к Мерфи:

– Где остальные?

– Я как раз собирался предложить им выпивку.

– Мясо! – вспоминает Виктория и уходит обратно на кухню.

Мерфи пожимает плечами:

– Атмосфера у нас слегка накалилась. Редактор изрядно поглумился над колонкой Вики в «Санди таймс». – Он громко хохочет в сторону кухни, потом добавляет, кажется, с нежностью: – Ох уж эти гребаные редакторы!

Берет меня за руку и ведет в гостиную. На обтянутом цветочным гобеленом диване сидят Сэмюэлсы, положив руки на колени. На стенах висят еще несколько акварелей, повсюду кресла с бахромой. Возле камина стоит набор причудливых кочегарных инструментов из начищенной меди. Я подхожу к окну и смотрю на широкий морской простор, обрамленный деревьями: вода темно-серая со стальным отливом, над нею низкое небо. Мне так одиноко, что хочется плакать.

Мерфи суетится с бутылкой шампанского и бокалами, открывает пакетики с арахисом, подходит к двери и зовет:

– Том! Патрик! Вик! Идемте выпьем!

Заходит Том, одетый в брюки и застегнутую на все пуговицы клетчатую рубашку от Фреда Перри. Нарочито разнузданный стиль, которые так любят подростки. Мерфи смотрит на него с гордостью и объявляет:

– Мой сын, приехал из Оксфорда. Он у нас парень смышленный.

– Ну, должны же они быть хоть у кого-то в нашем семействе, – отвечает Том.

– Кстати, о безмозглых – где наша Онни? – Мерфи выходит на порог и громко орет: – Онни! Патрик! На черта мне сдался подручный, если его никогда нет под рукой?

Похоже, дом полон гостей, которых я еще не видела. Временами я замечаю краем глаза какое-то движение.

– Я пойду, – тихо говорю я. – Вы очень добры, но у меня столько нерешенных дел... Честно, мне пора!

В холле Виктория беседует с Патриком. Он заложил руки за спину и наклоняется вперед с непроницаемым лицом. Их головы находятся близко-близко.

– Хотя бы выпейте с нами! – настаивает Мерфи. – Каникулы ведь. Кто-нибудь скажите Онни, чтобы шла к нам!

– Я пыталась! – Виктория врывается в гостиную и плюхается в кресло. – Ничего не могу с ней поделаться! Попробуй сам!

– Я позову ее. – Патрик, одетый в аккуратно отглаженные синие брюки и белоснежную сорочку, поспешно направляется к лестнице. Его стильные кожаные кроссовки скрипят на каждой ступеньке.

Сью шепчет себе под нос:

– Бедняжка Онни! Ей сейчас нелегко. Только что вернулась из Швейцарии, где пыталась учиться. – Она морщится. – Как говорится, в семье не без урода.

Мерфи громогласно объявляет:

– Муж Лиззи помогал Онни готовиться к выпускным экзаменам. Помимо платы за обучение, я нанял для дочери кучу репетиторов, и его в том числе. Ни черта не вышло! Единственное, с чем она справилась в жизни – экзамен по вождению. – Он поднял руки, признавая собственное поражение, потом с опаской оглянулся: – Сдается мне, во всем виноваты частные заведения, где с детьми носятся как с хрустальными. Учись она в обычной школе, где требования более жесткие, все было бы как надо.

Том сидит в кресле у камина, вытянув ноги и заложив руки за голову.

– Давно это было? – спрашиваю я. – Ну, занятия с Заком?

Виктория натянуто улыбается:

– Два года назад – позапрошлым летом. Она пыталась сдать экзамены несколько раз: сначала в школе Бедейлс в Хэмпшире, потом в колледже Эшер в Элмсбридже, затем в колледже Бодмин в Корнуолле и, наконец, в самом дорогом заведении из всех – в католической школе для девочек Ла-Ретрет в Лозанне. Как выяснилось, они не заинтересованы в ее дальнейшем там пребывании и обучении. Моя дочь повсюду оставляет хаос. И это совсем некстати, ведь ее отец может в скором времени возглавить партию консерваторов!

– Дорогая, придержи язычок!

Я смотрю на след от сигареты на ковре. Два года назад. Позапрошлом лето, а потом он погиб. Тогда он часто ездил сюда один. Много писал, был очень оптимистично настроен. Бристольская арт-галерея обещала выделить ему место на какой-то выставке, потом из этого ничего не вышло. Зак настаивал, чтобы мы делились друг с другом всем. Сам же занимался репетиторством с девочкой-подростком и не сказал мне ни слова! Его маленькое предательство неожиданно задевает меня за живое.

Через просвет в облаках проглядывает солнце, и в центре ковра появляется прямоугольник света. Патрик спускается по лестнице с высокой молоденькой девушкой, ее длинные волосы выкрашены в два контрастных цвета – блонд и каштановый. Хотя она одета в пушистый розово-белый сдельный комбинезон, я мигом узнаю в ней девушку, которую видела рядом с домиком Зака в Галлзе.

– Какого черта ты так вырядилась? – восклицает Виктория. – У нас сегодня гости!

Они смотрит на нее исподлобья, плюхается на стул напротив меня, всем своим видом демонстрируя, что она здесь не по своей воле. Достает из кармана щипчики для ногтей и принимается аккуратно обрабатывать кутикулу. Никто нас друг другу не представляет.

Виктория с Мерфи обмениваются взглядами.

– Классный прикид, – замечает Сью. – Мои близнецы такие обожают.

– Что может быть приятнее, – говорю я, – чем проходить все воскресенье в таком вот удобном комбинезоне! Скажи честно, я не слишком для него стара?

Онни поднимает взгляд. Внимательно осматривает меня с головы до ног, от нечесанных волос до резиновых сапог и молчит. Через минуту громко выдает:

- И как это мама пустила вас в дом с собакой?!

Говард лежит у моих ног. Заслышав слово «собака», оживляется, вскакивает и лупит хвостом по круглому журнальному столику. На нем скатерть из набивного ситца, и я поскорее хватаю ее, чтобы не соскользнула на пол. Сидящий у камина Том восклицает:

- Онни, иногда ты ведешь себя как последняя стерва!

Онни вспыхивает. Я понимаю, что она хотела пошутить, но об этом никто даже не подумал. Возобновляется шумная беседа, из которой она исключена. Девушка оставляет в покое свой маникюр, берет орешек, подбрасывает и ловит ртом. Обсосав соль, выкладывает его на номер «Экономиста», в аккурат по центру буквы «т».

- Не тебя ли я видела на другом конце деревни сегодня утром? - тихо спрашиваю я.

Она смотрит в сторону, кожа на шее покрывается пятнами. Онни качает головой.

- Ты уверена? - спрашиваю я. - Выходила к машине кое-что забрать и увидела девушку, очень похожую на тебя.

- Ну, может, я и гуляла там.

- Что ж, ясно. - Я замолкаю. Не стоит на нее давить. Подростки не любят, когда их расспрашивают. Они не скрытничают, просто очень стесняются. - Ты хорошо знала моего мужа?

Она не поднимает глаз.

- Совсем нет.

Несмотря на высокий рост, у нее миниатюрные черты лица. Наконец она поднимает голову и глядит на меня в упор, облизывая губы.

– Скучаете по нему?

Я чувствую, как стремительно краснею.

– Конечно, да! Очень скучаю. – Голос дрожит, и я поскорее перевожу разговор на другую тему: – Так значит, ты увлекаешься живописью? Какой у тебя любимый предмет?

Она проводит пальцами по бровям.

– В отличие от своего брата Тома, я вовсе не блистаю знаниями по всем предметам. Даже выпускные экзамены пока не сдала. И никуда не поступила. Все махнули на меня рукой.

– Я тоже не блистала на экзаменах, – говорю я. – А вот моя сестра была светлая голова. Сразу после школы я устроилась на работу, и это совсем не плохо.

– Мне нравится мода, – признается Онни и смущенно рассматривает свои ногти. Мне становится ее очень жаль. – В Ла-Ретрет училась одна девочка, чья тетя работает в «Шелби пинк». Так вот, она говорит, что я могла бы пройти у них стажировку. Только родители не позволяют, потому что надо ехать в Лондон. У папы есть квартирка в Кеннигтоне, возле палаты общин, но там всего одна спальня.

Облокотившись на каминную полку, Мерфи с увлечением рассказывает какую-то байку или просто разглагольствует.

– Разве ты не можешь пожить у друзей? – спрашиваю я.

– Родители не позволят.

– Ты могла бы пожить в семье, – говорю я. – Помогала бы по дому, сидела с детьми в обмен на жилье.

Зак считал, что у меня нездоровая тяга к решению чужих проблем.

Онни смотрит на меня в упор.

- Вы ведь живете в Лондоне?

- Да. Могу поспрашивать. У моей сестры есть дети, вдруг она кого посоветует.

- А у вас есть свободная комната?

- Разве что диван.

- Можно я поживу у вас?

- У меня?!

- Вы ведь сейчас все равно живете одна. А я составлю вам компанию!

- Ну, полагаю... - Она застала меня врасплох, не знаю даже, что и сказать.

К счастью, в беседу вклинивается Виктория. Она холодно улыбается и заявляет:

- Вы очень добры, только сперва пусть Онни расставит приоритеты. Ей нужно о многом подумать.

Мерфи закончил рассказ, и все дружно смеются. Онни замыкается, опускает голову и продолжает мучить свои ногти. Так и вижу, что встаю и благодарю хозяев за гостеприимство. Я настолько четко это представила, что не могу понять, почему я до сих пор сижу. Мерфи одобрительно кивает на комментарий Тома, будто тот заработал оценку «отлично».

- Тяжело быть вдовой?

Онни смотрит на меня в упор. Я не знаю, спрашивает она или утверждает, но отвечаю:

– Да, конечно. И очень грустно. Вчера ездила к месту аварии, положила там цветы.

– Неужели?

Она не сводит с меня глаз, и я не в силах отвернуться. Меня охватывает приступ острой тоски, горечь утраты буквально переполняет, и в то же время я как никогда ярко ощущаю присутствие Зака. Голова идет кругом, стены сжимаются – кажется, сейчас я упаду в обморок.

Встаю, ничего не видя, и спрашиваю, ни к кому конкретно не обращаясь:

– У вас есть уборная?

Мерфи вскакивает.

– Конечно, – отвечает он. – Вообще-то в доме их несколько. Выбирайте любую! – И ведет меня по коридору. – Наверху шикарная, внизу без претензий, первая дверь справа. – Мерфи указывает в конец холла, потом с громким хлопком смыкает ладони. – В общем, почувствуйте себя как дома!

Сразу за холлом не кухня, как я предполагала, а чулан с верхней одеждой и грязной обувью, крикетными битами и набором шаров. У стены стоит пневматическое ружье. Здесь теплее. В духовке на кухне что-то яростно шкварчит. Я привязываю Говарда к стойке для обуви и поражаюсь, насколько хорошо организован быт некоторых людей и сколько у них всяких хитроумных приспособлений. Вхожу в ванную, сажусь на крышку унитаза, прислоняюсь головой к стене и пытаюсь отдышаться. Пахнет дезсредством с отдушкой сосны. Вдруг вижу в рамке карикатуру: Фред Астер подмигивает и отплясывает на столе чечетку, из его кармана торчат члены кабинета министров. Над раковиной висит фотография студентов-первокурсников колледжа Брэйсноуз, Оксфорд, 1986 год. Думаю, если как следует приглядеться, среди них отыщется и премьер-министр.

Я свешиваю голову между колен и закрываю глаза. Я никак не вписываюсь в эту компанию, мне тут явно не место. Все в тумане. У меня жуткая паника, будто я занималась каким-то важным делом и неожиданно бросила его на полпути; такое ощущение, что я должна быть совсем в другом месте.

Приближаются тихие шаги, тишина, потом шаги удаляются. Хлопает дверь.

Заставляю себя встать и открыть дверь в чулан. Прислоняюсь к стене, пытаюсь взять себя в руки. Говард по-прежнему сидит возле обувной стойки, на ней стоят в ряд перевернутые подошвой вверх резиновые сапоги. Последняя пара, почти заслоненная бежевым макинтошем, – зеленые охотничьи. Я отвязываю поводок, и вдруг мое сердце замирает. Что за абсурд! Это всего лишь сапоги. Откуда тут взяться сапогам Зака?

В отличие от остальных сапог подошвы этой пары чистые. На них ни пятнышка, грязь счищена, шнурки выстираны, метка размера отчетливо видна. Сорок третий.

Руки дрожат. Я отодвигаю плащ, снимаю со стойки левый сапог и переворачиваю. На носу царапины и следы от резинового клея. Сбоку – пятнышко масляной краски...

Не попрощавшись, я ухожу через черный вход и бегу вниз с горы. Следом несется Говард, подпрыгивает, дергает поводок, будто мы играем. По грунтовой дороге добираемся до стоянки домов-фургонов, перейдя поле, выходим на шоссе.

Ключи от студии Зака, что в старом гараже рядом с Галлз, лежат под глиняным горшком на садовой дорожке. Я опрокидываю горшок, внутри земля и спутанные корни. Руки трясутся, я едва справляюсь с замком.

Толкаю дверь, опрокидываю бутылку денатурата, та выкатывается на середину студии. Зак во всем отличался педантичностью, в том числе и в живописи. Ему были необходимы тишина и чистота, много места и никакого беспорядка. Кисти он всегда расставлял по номерам, тюбики с красками выкладывал аккуратными рядами, названиями кверху. Пол должен быть чистым, никаких посторонних предметов в поле зрения. Когда он писал, то ставил мольберт в центр комнаты и отворачивал лицом к стене все другие картины.

Я не верю своим глазам. Повсюду разбросаны краски, кисти, тряпки, клей, газеты. Шкаф лежит на боку. Стол, где Зак раскладывал инструменты, на месте,

потому что прикручен к полу, но стул опрокинут, буковый мольберт, который он так тщательно оттирал и смазывал маслом перед началом работы, пропал. Нет, не пропал – разбит на части. А стены...

Стены забрызганы кровью.

Я застываю на пороге, прикрыв рот рукой. В ушах звенит, в горле ком. На столе картина. Я хорошо ее помню. Это морской пейзаж: серо-стальная гладь, черный горизонт, низкие облака – его любимый вид, его экранная заставка. На переднем плане темная тень – пустая рыбацкая лодка, плывет в никуда. Воплощение одиночества. «Моя жизнь без тебя», – как-то пояснил он.

Однако картина испорчена. Я хватаюсь за дверной косяк, чтобы не упасть. Внезапная догадка жжет меня как огнем. Он намалевал углем фигуру на носу лодки: спиной к зрителю сидит мужчина в шляпе и пальто, смотрит вдаль.

Мне становится страшно. Так и слышу знакомый голос, шепчущий прямо в ухо: «Не смей меня бросать! Ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю, если ты уйдешь!»

Я звоню Джейн с автозаправки. Мечусь между грузовиками и магазинчиком. Говорю, что все выяснила. Зак добрался до своего бунгало и прочел мое письмо. Он знал, что я уйду от него. Он ни от кого не потерпит отказа, Джейн, ни за что на свете. Видела бы ты его мастерскую! Он всю ее разгромил! И там кровь! Не знаю, чья. Он не покончил с собой, Джейн! Нет! Он бы не стал. Я его знаю. Знаю, что ты хочешь сказать, но это не самоубийство. Я бы не смогла... Нет, не из-за меня! Все намного сложнее. Я разговаривала с ним по телефону и ни о чем не догадалась. Он прекрасно контролировал свои эмоции. Джейн, он такой предусмотрительный! Там для меня послание – на картине! Это моя кара. Тело в машине... точнее, то, что осталось от водителя... Джейн, говорю тебе, это не он!

Джейн спрашивает, где я. Велит оставаться на месте, выпить или съесть что-нибудь горячее, а она за мной приедет. Голос спокойный и ласковый. Подруга думает, что я рехнулась.

Мне все равно, что она думает! Я снова и снова повторяю:

– Зак жив! Зак жив!

Зак

Сентябрь 2009

Сегодня ездил в Лондон. Сказал Шарлотте, что мне нужно поработать, взял альбом для набросков и краски, повесил на плечо сумку-портфель «для художника», которую она недавно мне купила. Я не поленился и нашел такую на сайте Элли Капеллино – двести семьдесят восемь фунтов! Неужели она решила, что сможет удержать меня подарками?!

Доехал поездом до вокзала Виктория и обратно, в голове крутилась смутная идея переехать подальше на запад, хотя бы в Корнуолл. Мои метания довольно бесцельны. Сам не знаю, чего ищу. Ненавижу быть неприкаянным. Вот Нелл и Пит везде чувствуют себя как дома. Я и к Шарлотте так привязался отчасти из-за ее постоянства. Она не оставит родной Брайтон, даже если ей приплатят. А вот я могу жить где угодно. В том-то и проблема уроженцев глухих местечек. Возможно, моим прибежищем станет Корнуолл, только один я туда не поеду! Мне нужна вторая половинка. Как ни прискорбно, после всех потраченных усилий и убитого времени теперь я точно знаю, что это не Шарлотта.

Сперва я подумывал о Ричмонде. Мне нравится, что он на западе – оттуда легко добираться до Корнуолла. Шагая к реке через парк, я было обрадовался. Просто волшебный мир Диснея: сверкающая под мостом вода, старинные фонари, лодки в прокат. Я вполне мог бы здесь поселиться, полюбить, жить обычной жизнью. Вдруг низко надо мной пролетел самолет, и я буквально почувствовал вкус помоев, которые раздают пассажирам на борту. Подумать только, все эти жители шикарных домов каждые три минуты вынуждены прерывать беседу и ждать, пока прекратится шум!

Потом я поехал обратно в Лондон, выходя ненадолго на каждой остановке. Барнс: очень похож на деревню, да и взлетная полоса близко – ни разговаривать, ни думать невозможно. В Патни не слышно самолетов, но разве там вообще можно жить? Сплошная магистраль с вереницей разорившихся магазинов. Вандсуорт: дорога в один конец. Клэпхем: на первый взгляд просто свалка.

Удрученно стоя возле унылого универмага «Маркс и Спенсер» на совершенно безотрадной центральной улице, провонявшей жареным картофелем из «Макдоналдса», я понял, что голоден, и отправился на поиски более или менее пристойной еды. Кулинарный отдел отпал сразу, так же как и готовые сэндвичи, и я шел до тех пор, пока не наткнулся на улочку с кафе и магазинами, небольшим рынком и итальянским рестораном, где подавали нормальную еду.

Заказал бифштекс и шпинат на отдельной тарелке. Разогрев кровь бокалом неплохого бардолино, я вышел на улицу и посмотрел на нее другими глазами. На углу обнималась тридцатилетняя парочка: он просунул колено между ее бедрами, она сжимала его ягодицы. На безымянном пальце девушки блеснуло кольцо. Может, они были тайными любовниками, но я охотно представил, что они женаты. После этого вошел в первую попавшуюся контору агента по недвижимости. Надутый придурок в костюме в тонкую полоску сообщил, что район называется «Межпарковая зона».

– Какой суммой вы располагаете, сэр? – осведомился он. – Сейчас спрос превышает предложение.

Ага, всегда у них спрос превышает предложение.

Пока я просматривал выставленные на продажу дома, Шарлотта оставила на автоответчике целых три сообщения. Я послушал ее взволнованный голос по пути на станцию. Она придет домой пораньше. Когда вернусь я? Она раздобыла куриные грудки и мои любимые спагетти. Приготовить ужин или я хочу пойти в ресторан? Она убрала квартиру и купила подарок: рубашку в крапинку от Пола Смита, которая приглянулась мне в витрине. «Приезжай скорее. Посмотрим, впору ли она тебе».

Надо же, какая забота. Чувствует, что я ускользаю. Я уже почти ушел. Пытаюсь представить, как целую Шарлотту на улице, прижав к стене, и не могу. Конец роману. Она упустила свой шанс. Могла бы раньше задуматься. И тогда я остался бы с ней. Теперь слишком поздно. Ничто в женщине так не отталкивает, как чрезмерная навязчивость. И вообще, зачем мне столько рубашек от Пола Смита?!

На ужин пришли Нелл с Питом. Я почти ничего не ел. Вообще-то я люблю жареную свинину, но она купила ее в супермаркете «Вейтроуз», и у мяса был мерзкий привкус. Шарлотта выкинула упаковку, чтобы я не видел. Подозреваю, там был маринад или еще какая-нибудь дрянь. Воняло ужасно. Есть не стал.

После того как они ушли, набрала воду в ванну. Я был на взводе, чего я не люблю, поэтому пришлось принять таблетку из тех, что дал мне Джим. За дверью слышались сдавленные рыдания, явно предназначенные для моего слуха. Я распахнул дверь, и Шарлотта метнулась к дивану. У ее ног валялись ошметки грязи с ботинок Пита. От бокала Нелл на журнальном столике остался круглый след, будто слизень прополз. Меня передернуло, но я попытался не обращать внимания и спросил, в чем дело. Она заявила, что я специально ничего не ел, чтобы ее обидеть. Будто я «играл с ее чувствами» – фразочка из лексикона ее подруг. Сказала, что не понимает, как я мог вести себя нормально в присутствии Нелл и Пита, а потом «стать таким».

– Каким?

– Станным. Безразличным. Слова мне не сказал с тех пор, как они ушли! Ты даже не помог мне с посудой! Это твои друзья. Я пригласила их, чтобы сделать тебе приятно. Ты был таким добрым, таким любящим! Я думала, ты самый ласковый и нежный мужчина на свете!

Почему сразу не сказать, что именно ее не устраивает? Меня бесит, когда люди не способны говорить все как есть. К чему притворяться? К чему поднимать вопрос о том, что я перестал быть добрым и любящим, если на самом деле она разозлилась из-за упомянутого Нелл Галлза, куда я ее так и не пригласил? Шарлотта из тех девок, что оценивают романтические отношения по количеству совместных поездок. Глядя на ее красные глаза, искусанные губы и пальцы, судорожно теребившие поясик облегающей шелковой блузки, которую она купила, чтобы меня соблазнить, я разъярился. Почему она на меня наехала? Ни в чем я не виноват! Иногда я сам не понимаю причин своего поведения. Будто мозг намеренно отделяет прошлое от настоящего. Ничего не могу с этим поделать: ни отступить, ни сбавить обороты. Не знаю... Уж какой есть!

– Я подумал, что ты на меня сердишься, – сказал я. – И решил не путаться у тебя под ногами. Я подумал, что ты видеть меня не можешь. В последнее время ты такая странная. – Я пристально посмотрел ей в глаза. – Я совсем отчаялся! Уже много недель не могу продать ни одной картины. Ничего не даю тебе на

хозяйство. Ты сидишь по ночам, зарывшись в бумаги... И как ты меня терпишь? Я подумал, что ты решила меня слить.

Как все просто! Она понятия не имела, что мои дела настолько плохи. Сказала, чтобы я не беспокоился о деньгах – она зарабатывает достаточно для нас обоих. Она любит меня больше всех на свете. Возможно, когда-нибудь я найду «цель в жизни» и обрету «чувство собственного достоинства».

Я чуть не взорвался. Покровительственные нотки меня взбесили. Я позволил ей поцеловать себя еще разок и просюсюкал:

– Пойду искупаюсь, у меня ванночка налилась!

– Ладно, – просюсюкала она в ответ. – Прости, что расстроила тебя.

И она включила пылесос, чтобы убрать грязь с ковра.

Вечером я следил за женщиной. Да, нечестно, я и не отрицаю! Зато испытал небывалое удовольствие.

Здорово рискуя, я вывесил свою анкету на сайте знакомств. Успех превзошел все ожидания – буквально в течение суток пришло тридцать сообщений. Черно-белое фото, на котором я будто бы не догадываюсь, что меня фотографируют моим же айфоном, – отличная идея! Уже на три свидания ходил. На первое явилась престарелая адвокатесса, в ее возрасте даже ботокс не спасает. Потратила зря свое и мое время. Я поцеловал ее изборожденную венами руку и сказал: «Мадам, если наши дороги снова пересекутся, тогда оба мы воспримем это как знак судьбы» или еще какую-то невнятную чушь вроде этой. Не хотелось ее обижать, хотя кого она пыталась обмануть, вывесив фотографию столетней давности?!

На второе явилась разведенка, умница-красавица (научная степень по биологии из Йоркского университета), но она тоже солгала. Сказала, что живет одна, однако я мигом выяснил, что у нее ребенок. Постоянно проверяла мобильник, а когда я вернулся из бара, она что-то в него нашептывала. Я разобрал: «Спать. Быстро!» Строить новые отношения на вранье – не лучшая идея. Жаль.

Обе дамочки явно не понимали, почему привлекательный, нормальный мужчина вроде меня знакомится по Интернету. Сегодня попало кое-что более перспективное. Мы встретились в баре в дальнем конце Кингс-роуд, Челси – «буквально через реку» от того места, где она якобы живет. На ней было лиловое платье-халат, обтягивающее все выпуклости, с глубоким декольте. Короткая стрижка, светлые пряди, толстая линия подводки на глазах, между передними зубами щербинка. Очень даже ничего. Чем-то напомнила мне Вики Мерфи в юности. Первые две выделялись, рассматривали вино в бокале, перекачивая его в руках. А Кэти (вряд ли это ее настоящее имя) вызывающе скрестила ноги, посмотрела мне прямо в глаза и выпалила с южным лондонским акцентом: «Можешь не притворяться. Карты на стол! Знаю я, зачем ты здесь».

– Передислокация? – спросил я полушутя.

Она подозрительно посмотрела на меня и пожала плечами:

– Секс. Ты женат. Притворяешься, что ищешь... Любовь? Спутницу жизни? Что будет, то будет? Или какое еще вранье ты насочинял для своей анкеты?

– Это вовсе не вранье! – честно сказал я.

– Знаешь, я давно уже в игре. Таких, как ты, видела не раз. Если мужчина слишком идеальный – это только видимость. – Она облизнула палец и провела по краю бокала. Раздался противный скрип. – Рубашку ты явно не сам выбирал. Такую способна купить только жена.

Я принялся отнекиваться, запинаясь и заикаясь. Рассказал про свою стеснительность, про старую любовь, что купила мне рубашку незадолго до того, как сбежала с моим лучшим другом.

– Чувствовала свою вину, хотела меня хоть как-то утешить, – не моргнув глазом, заявил я. – Не стоит делать поспешных выводов.

О, когда надо, я могу и не такое изобразить! Я настоящий профи!

Могу быть коричневым, могу быть синим... Могу быть каким угодно для тебя![1 - Песня «Грейс Келли» британского певца Мика (настоящее имя Майкл Холбрук

Пенниман). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.]

– Послушай, – сказала Кэти. – Ты мне нравишься. Если помнишь, в разделе «Знакомства» я написала: «долговременные или кратковременные отношения, я не привереда». Лгать не буду. В принципе я ищу спутника жизни, однако вовсе не прочь приятно провести время, если подвернется такая возможность.

Ненавижу, когда говорят «лгать не буду». Пустые слова! Лишь бы казаться более значимыми. Как барабанная дробь, только словами. Довольно часто после этого люди лгут или выдают полуправду или правду, в которую и сами-то не верят, просто им нравится, как она звучит.

– О чем это ты? – произнес я с запинкой.

Она насмешливо посмотрела на меня.

– Хм. Сама не знаю.

Я поспешно сменил тему, чтобы обдумать открывшиеся возможности. Кэти предложила мне секс, если не ошибаюсь, сегодня. Заманчиво. В то же время она чересчур проникательна. Ясное дело, на мой счет она заблуждается, при этом слишком прямолинейна и агрессивна. В любом случае ошиблась. Я настроился вовсе не на короткую, а на длинную игру.

Я спросил, чем она зарабатывает на жизнь. Психолог, занимается когнитивно-поведенческой психотерапией с пациентами, страдающими нервными расстройствами. Я сделал вид, что впечатлен.

– Доктор! – воскликнул я, хотя прекрасно знал разницу между обычным психологом и специалистом с десятилетней медицинской подготовкой (недаром я столько прожил на съемной квартире со студентами-медиками в Эдинбурге). Сплошные разговоры, никаких лекарств. Впрочем, интересно, почему она не стала это отрицать.

Вечер прошел довольно быстро. Общаться с ней было приятно – она вела себя откровенно и при этом игриво. Особенно мне понравился рассказ про терапию для супружеских пар, у которых прекратились брачные отношения. «На второй

день они уже свободно трогают и гладят друг друга везде: руки, грудь, бедра – только не бюст, вагину или пенис». Для пущей экспрессии Кэти намеренно растягивала свистящие и шипящие звуки. Я смотрел на ее губы, на мелькавший между зубами язык и думал, что вот-вот отправлюсь напрямик к ней домой. Секс всегда был моей слабостью.

Расплачиваясь за напитки, она устроила настоящий цирк: эпатажно швырнула пачку купюр на столик прежде, чем я успел возразить. Будь я в галстуке, она наверняка схватила бы за него и выволокла меня на улицу. Я с трудом успокоился и сказал, что мне пора уходить, потому что завтра рано вставать.

– Домой к женушке? – разочарованно протянула Кэти.

– Нет. – Я осторожно щелкнул ее по носу. Она попыталась поймать мой палец ртом. – Однако я вполне джентльмен, чтобы проводить тебя.

– Я всегда читаю то, что написано мелким шрифтом! – заявила она, застегивая пальто. – Никаких личных данных на первом свидании.

– Чего ты боишься? Думаешь, я тебя придушу в подворотне?

Она рассмеялась:

– Я большая девочка!

Я продолжал настаивать. Она так заинтриговала меня, что хотелось узнать о ней побольше.

– Осторожность никогда не помешает, – сказал я. – Уже поздно. На улицах полно психов.

Кэти уступила и позволила проводить себя до метро. Идти пришлось долго, настроение упало. И все же на станции «Слоун-сквер» я склонился и медленно поцеловал ее в каждую щеку, приоткрыв губы. Попутно потрогал ее за грудь. Если раньше она не особо увлеклась мною, то теперь уж ее точно зацепило. Она пыталась держаться невозмутимо, кокетливо помахала рукой на прощание и исчезла в недрах эскалатора, напоследок крикнув: «Позвони! Давай как-нибудь

повторим!»

Не упускать ее из виду было нетрудно. Нужно лишь пропустить вперед пару человек. Она даже не оглядывалась. Стояла на восточной платформе – Кольцевая линия – и смотрела на рекламу зубного ополаскивателя на противоположной стене, теребя прядь волос на затылке. Расстегнула пальто, перевязала пояс на платье, дернула плечами, уставшими от лямок бюстгалтера.

Когда прибыл поезд, я сел в соседний вагон и наблюдал за ней через окно. Кэти села, достала из сумки журнал. «Экономист» – вот это сюрприз! С другой стороны, это было кстати: на следующей остановке – станция «Виктория» – она сошла и продолжила чтение на эскалаторе, пока не добралась до центрального зала. Кэти оказалась куда умнее и амбициознее, чем я думал.

В электричке она тоже читала. Обзор был хуже, мешали люди в проходе. Я стоял близко к дверям и поглядывал на нее на каждой остановке. Вышла она нескоро – минут через двадцать пять, на унылой маленькой станции, в далеком пригороде. Будь мы на Среднем Западе, между платформами непременно росло бы перекатиполе, а в Англии валялись упаковки из-под чипсов и пакеты супермаркета «Олди». Жаль, не записал название. Станция настолько банально безликая, что не могу вспомнить. Ясное дело, при желании нетрудно узнать, но это уже не важно. Бокслэнд? Мокстон-Истфилд? Проехали.

Со мной вышли двое парней лет двадцати в паршивых костюмах, выдыхая пивные пары, и я пристроился за ними. Кэти покинула вокзал – уродливое здание из дешевого кирпича с фальшивыми колоннами, перешла через дорогу и направилась к ряду модульных домов. В конце – парни все еще двигались передо мной, из-под пиджаков торчали рубашки – она свернула налево на такую же безликую улицу. Парни хохоча отправились прямо, по пути один из них подпрыгнул и попытался достать уличный фонарь. Она оглянулась через плечо, на лицо упал желтый свет, я мигом укрылся в тени и переждал.

Кэти прошла еще немного, я же остался стоять под прикрытием живой изгороди. Я не знал, что мне делать. Вроде бы уже увидел достаточно, однако любопытство и трепет желания меня слишком захватили. Она остановилась посередине квартала, порылась в сумочке в поисках ключей и потом зашла в дом. Я дал ей время раздеться, почистить зубы, выпить чаю и скользнул на другую сторону улицы, чтобы посмотреть, где она живет.

Увы, вот он – решающий фактор. Даже если бы в Бокслэнде или Мокстон-Истфилде открылись неожиданные источники наслаждения (вроде ресторана авторской кухни), я никогда не смог бы быть счастливым с женщиной, которая живет в таком доме. Уродливые алюминиевые окна, завешенные грязными тюлевыми занавесками, помпезное крыльцо, вполне способное украсить Версальский дворец, место для парковки, выложенное гладким кафелем, который встретишь только в ванной. Жаль. Может, оно и к лучшему. Вламываться в дом и смотреть обстановку не стоит. Сигналов опасности было предостаточно: работа, журнал «Экономист», одежда. Будь дом и райончик получше, я мог бы и проколоться. Пожалуй, поищу теперь женщину без ученой степени. Я истосковался по кротости, а не по развязности. Не хочу, чтобы на меня смотрели сверху вниз. Люди с высшим образованием, будь то медицина или любая другая область, думают, что знают все. Часто они вообще ни черта не смыслят.

Мне ничуть не стыдно, что я проследил за Кэти. Чего же ты ждешь, соглашаясь на встречу с незнакомцем? У нее наверняка захватило бы дух, узнай она, что я был здесь.

Я представить не мог, что она живет в таком доме. Никогда не знаешь, чем человек тебя удивит.

Глава 5

Лиззи

– Ясное дело, если бы я могла выбирать, то предпочла бы труп.

Кроме шуток! Вчера меня вызвали на происшествие в ресторане «Тадж Махал» – какой-то умник откусил своему приятелю ухо. Так пока я снимала показания, этот парень согнулся пополам и заблевал мне все ботинки! Саму едва не вырвало! У вас такое случалось? Когда другого тошнит, меня тоже выворачивает.

Морроу, мой инспектор-психолог, сидит за кухонным столом. Перед ней чашка чая, но она к ней и не притронулась. Она вжимает голову в плечи и держится руками за живот, чтобы изобразить свои незабываемые впечатления.

Они сидят уже не меньше часа и болтают без умолку. А от меня осталась лишь бледная тень. Я их почти не слышу.

Домой я вернулась уже в темноте, в девятом часу. Джейн ждала у порога, вышагивая перед дверью взад-вперед, чтобы согреться. Морроу приехала следом за мной. Хотя она и не официальный соцработник, зато в отличие от меня располагает необходимыми ресурсами – инспектор все-таки! Это может пригодиться.

Она ни на минуту не замолкает. Так было и в ту роковую ночь, когда она постучала в мою дверь. Тогда ей было всего двадцать пять. Даже представить не берусь, каково ей приходится. Морроу несла полнейшую чушь вроде того, что она в тот день ела, что говорила или думала ее мать. Поначалу мне хотелось закричать, настолько глупой казалась мне эта болтовня. За последний год она купила собственную квартиру, похудела на пять фунтов и коротко постриглась. Теперь я понимаю, что она делает. Это стратегия борьбы со стрессом. Так она снижает накал эмоций.

В прошлом месяце ее шеф, инспектор полиции Периваль, читал в нашей школе лекцию по интернет-безопасности, и я сказала ему, что восхищаюсь Морроу, тем, как она сохраняет спокойствие при любых обстоятельствах. Он презрительно фыркнул и заявил, что молодые офицеры страдают потерпевшим гораздо глубже, чем более опытные сотрудники. Он так и выразился: страдают.

Морроу пришла, хотя сегодня у нее выходной.

– Ты смеешься?! – восклицает она. – Я чуть не рехнулась со скуки! Заняться нечем, по телику только «Антикварные гастроли»[2 - «Антикварные гастроли» – популярная телепрограмма на Би-би-си. Антиквары-профессионалы разъезжают по стране и оценивают старинные предметы.]. Выбор был невелик: либо приехать к тебе, либо позвонить маме.

– Ухо-то удалось спасти? – Джейн кладет руку мне на колено.

На ней платье в стиле пятидесятых и чулки в сетку. Похоже, собиралась приятно провести вечер. Джейн хлопывает меня по коленке, чтобы показать: она про меня не забыла.

– Официант сунул его в пакет с замороженным горошком. Кто мог подумать, что в индийском ресторане есть зеленый горошек! Кстати, индусы кладут его в матар панир[3 - Матар панир – зеленый горошек и сыр в томатном соусе. – Примеч. ред.]. Короче, отправили парня в реанимацию, и дело с концом! – Морроу берет чашку, отпивает и ставит обратно на стол. – Поразительно, сколько крови натекло из одного уха. Правда, не так много, как на прошлое Рождество, когда пострадавшего огрели замороженной индейкой. И все равно гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Причем кровь была самая настоящая, а не красная краска.

Она заговорщицки подмигивает, я опускаю голову. Внезапно на меня накатывает усталость, словно богатый на события день растянулся до невероятных пределов, и с тех пор, как я позвонила Джейн и сообщила, что возвращаюсь, что непременно буду останавливаться и набирать ее каждые полчаса, прошли не пара часов, а пара дней. Какой-нибудь час, который я просидела, трясясь мелкой дрожью на кухне с Джейн и Морроу, по чьей просьбе полиция проверила студию Зака, показался мне длиною в несколько дней. Наконец они перезвонили и вынесли свой вердикт: на стенах не кровь, а краска. Вероятно, в студию вломились с целью грабежа, хотя вроде бы ничего не пропало...

Я сижу, не поднимая головы. На мне старая мамина юбка. Она грязная, в пятнах травы и следах собачьих лап. Когда я успела испачкаться? У дерева на месте аварии или пока бежала с холма сегодня утром? Снимаю с плеча побег ежевики. Под свитером – рубашка Зака. Та самая, с чернильным пятном. Надо снова попробовать отстирать. На ногах резиновые сапоги. Неужели я вела в них машину?! Как же я переключала скорости и нажимала на тормоз? Морроу меня за это точно не похвалит. Не хочу ее сердить. Только не сейчас.

– Лучше бы ты дождалась, пока я за тобой приеду! – восклицает Джейн.

Я качаю головой.

Она улыбается и трет мою щеку. Наверное, там красная помада с ее губ. Я глубоко вздыхаю и оглядываю кухню. В раковине грязная посуда от вчерашнего завтрака. На столе крошки. С тех пор как умер Зак, я особо не слежу ни за кухней, ни за квартирой вообще. Деревянные панели побурели, возле мусорного бака засохшие брызги и пятно от чайного пакетика, брошенного мимо. Нужно устроить уборку.

- Вы обе думаете, что я сошла с ума.

- Нет, - отвечает Морроу и внимательно на меня смотрит.

- Я уверена, что Зак жив! - Стараюсь говорить спокойно. У моих ног Говард лениво жует сапог. На столе ноутбук. - Откуда его ноуту взяться в Галлзе? И некоторые вещи пропали. Нет его резиновых сапог. Я нашла их в Сэнд-Мартине! Они стояли на полке с обувью.

- В Сэнд-Мартине? - переспрашивает Морроу.

- Понятия не имею, как они туда попали. В прошлый раз, когда мы ездили в Корнуолл, сапоги были в Галлзе. Так что это неспроста. Есть и другие признаки. Кое-что пропало: одежда, сумка, фонарик, деньги, отложенные на всякий случай, и вроде бы картина.

- А ты хорошо обыскала дом? - спрашивает Морроу. Она откидывается на спинку стула, поднимает колени к краю стола. - Ты ведь давно там не была.

- Полиция считает, что студию взломали, - добавляет Джейн. - В Галлзе никто не появлялся целый год...

- У дерева лежали чужие цветы - лилии. Кто-то ведь их там оставил! Плюс серебристый внедорожник, который я видела не раз и не два! - Я трясую головой, пытаюсь собраться с мыслями. - Может, это и не имеет отношения к делу.

Я все делаю не так. Надо вести себя осторожнее, иначе они поймут меня превратно.

Чтобы как следует все обдумать, я встаю, вынимаю сапог из зубов Говарда и открываю дверь. В саду темно и ветрено. Пес исчезает в кустах. Я возвращаюсь на свое место, сажусь прямо. На ноге подрагивает мышца.

- Я написала ему письмо, - говорю я. - Когда приехала в Галлз, оно было распечатано. Он его прочел.

- Какое письмо? - спрашивает Джейн.

- Что ты ему написала? - интересуется Морроу.

- Понимаете, в последнее время у нас было не все гладко. Я никак не могла забеременеть, а Зак... Зак вел себя несколько... В общем, он стал слишком деспотичным. Я написала то, чего не следовало. Что хочу разъехаться.

От каждого слова в горле встает ком. Я кашляю, пытаюсь рассмеяться и нервно верчу в руках старую чашку. Джейн накрывает мою ладонь своей и пожимает. Лак на ногтях бледно-серый, как у монашки.

- Письмо у тебя с собой? - как ни в чем не бывало спрашивает Морроу.

- Нет. Сожгла. - Я не могу поднять глаз. - Единственное, что меня утешало весь этот год, - Зак не прочел письмо. Но он прочел. Должно быть, добрался до Галлза раньше, чем сказал мне. Он там точно был, понимаете? Доехал до своего бунгало (поэтому его ноут и остался там) и прочел письмо. Он так разозлился, что разгромил свою студию. - Я поворачиваюсь к Джейн: - Представляешь, разнес все в щепки. И да, не кровь - краска по всем стенам. Словно он был в бешенстве. Должно быть, потом он взял себя в руки и солгал мне по телефону. Он оставил мне послание на картине.

- На какой картине?

- Какое послание? Зашифрованное?

- Углем. Он нарисовал, как плывет в новую жизнь без меня. Знал, что я пойму. Потом он запер дом и...

У Джейн такое лицо, будто ее ударили. Глаза широко распахнуты, щеки горят. Я перевожу взгляд на Морроу и вижу, как нелепо изогнулись ее губы. Джейн убирает руку и прикрывает рот, с тревогой глядя на меня. Обе молчат.

- Теперь-то понимаете? - повторяю я.

Морроу сухо кивает:

- Он прочел письмо и распереживался. Потом напился, чтобы залить горе. И отправился в Лондон. Это объясняет его маршрут. Он вовсе не проехал нужный поворот. Он помчался на встречу с тобой, злой и пьяный. Возможно...

Джейн опустила руку.

- Ах, бедный Зак! Он...

- Нет! - кричу я. - Он не убил себя! Это вовсе не самоубийство! В машине его не было! Там был не он!

Джейн отодвигает стул, садится на корточки рядом со мной. Она обнимает меня, и я плачу в голос.

- Тела-то не было! - говорю я.

- Как? - удивляется Джейн. - Милая, тело было.

- Нет! Нет!

Морроу тоже встает, открывает заднюю дверь. Наверное, решила впустить Говарда. Пес обнюхивает мои ноги, кладет голову мне на колени. Борода его мокрая и слипшаяся. Морроу берет чайник, возвращается к столу и наливает чай.

- Проводить экспертизу ДНК не требовалось. Послушай меня, Лиззи! Его мобильник нашли в машине. На камерах видеонаблюдения видно, как он оплачивает бензин. Ты сама сказала, что тем вечером он был за рулем. Экспертиза проводится лишь в том случае, когда есть сомнения. У нас же не

было ни малейшего сомнения.

Я вспоминаю, как она появилась тогда у меня на пороге. Новенькая форма, волосы аккуратно собраны в конский хвост. Сказала, что должна задать мне несколько вопросов. Кому принадлежала машина? Кто был за рулем? Это точно? Теперь я понимаю – она искала доказательства. Ее слова повисли в воздухе. Я закрыла уши, чтобы ничего не слышать. Морроу протянула фото Зака, сделанное с изображения камер на заправке: «Это он?» Я смяла фотографию и попыталась вытолкнуть инспектора за дверь.

Я сморкаюсь. Джейн опускает голову, подозрительно смотрит на меня и пододвигает стул ближе.

Похороны прошли в крематории Патни-Вейл. Под проливным дождем машина медленно ехала между могил. Мы опаздывали, следующие клиенты уже ждали, расхаживая возле часовни. Множество цветов. Полупустая церковь. Пегги с Робом, несколько художников из студии, где работал Зак. Запах сандала, шорох пластиковых жалюзи. Гроб казался практически невесомым, нести жалкие останки было совсем нетрудно. Плетеный ивовый гроб был так мал, что в нем мог бы поместиться ребенок.

– Кто был в машине, Лиззи? Если не Зак, то кто же? – очень тихо спрашивает Джейн.

– Зубы и кости! – грубо отвечаю я. – Даже не кости, а их осколки.

– Лиззи, в машине кто-то был, – говорит Морроу.

– Похоже, он инсценировал аварию. Как – не знаю. Стоял сильный туман, машина превратилась в огненный шар. Зак был умен, гораздо умнее меня. Он вполне мог все спланировать.

Джейн чуть отпрянула:

– Хочешь сказать, он кого-то убил?

- Нет, конечно, нет. - Мысли путаются. - Возможно, он кому-то одолжил свою машину, а когда случилась авария, просто воспользовался подвернувшимся шансом. Это вполне на него похоже. Зак любил рисковать. Он считал себя не таким, как все, ему нравилось разрушать стереотипы. Прецедентов немало. Помните людей, которые воспользовались обрушением башен-близнецов и начали новую жизнь?

- И где же, по-твоему, Зак теперь? - спрашивает Джейн.

- Да где угодно, бродяжничает или... В детстве он часто ходил в походы. Он взял вещи, которые могут пригодиться на природе: фонарик, сапоги. Живет где-нибудь у моря. Он обожает море.

- А как же бунгало? Разве он не там жил?

Я рассматривала и такой вариант. В Галлзе стоял затхлый запах. От чайника до окна паук сплел паутину.

- Нет. Думаю, он где-то совсем рядом со мной. Послушайте, все сходится! Не зря мне казалось, что за мной следят! И это не разыгравшееся воображение! Помните ту кражу со взломом? Вор зашел через парадный вход, как к себе домой! Это мог быть Зак.

- Разве мы не решили, что перед сном ты не заперла дверь? Оставила ее на защелке или вообще не закрыла! - напомнила Морроу.

- На тот момент другого объяснения мне в голову не приходило. Но если у Зака был ключ...

- Ничего не понимаю, - тихо сказала Джейн. - Лиззи, ведь речь идет о Заке! Неужели ты думаешь, что муж, который тебя обожал, способен устроить тебе такой ад? Следить за тобой?

- Послание на картине! Возможно, он хотел дать мне знать, что жив. И это не упрек, а ободрение. Или и то, и другое.

– Даже если так, то вряд ли бы он тебя покинул. Какой человек способен на такое? Разве стал бы он тебя так терзать?..

– Он... – Я не могу им объяснить. – У него был непростой характер...

Морроу доедает остатки печенья, ломая его на кусочки. Она говорит как ни в чем не бывало:

– Он не смог бы раздобыть новые документы. Раньше это было несложно: заказываешь копию свидетельства о рождении человека, с которым родился в один год и который потом умер. Полицейские так и делали. Только лазейку прикрыли, теперь вся информация находится в единой компьютерной базе. Поверь, Лиззи, это не так-то просто. – Она качает головой, смахивая крошки с губ.

– Зак не раз говорил, что не прочь пожить вне системы!

Джейн встает. Проходя мимо, похлопывает меня по плечу. Загружает чашки и тарелки, оставшиеся с завтрака, в посудомоечную машину. Тряпкой смахивает крошки со стола и со стойки.

Ее движения точны. Джейн из тех энергичных и сметливых людей, которые делают все быстро и при этом неторопливо. Будто специально себя чуть останавливают. Тем временем Морроу ласково мне улыбается.

Вспоминаю наши предыдущие беседы. Она всегда заносит в блокнот мельчайшие детали. Сегодня не написала ничего. Я знаю, что ни подруга, ни инспектор-психолог не верят ни единому моему слову. Они считают, что я все выдумала. Их беспокоит вовсе не местонахождение Зака, а мое душевное состояние. Мои сомнения. Они пытаются вести себя очень осторожно. На мгновение я теряюсь. Сажу и понимаю, что они не воспринимают меня всерьез. Они не знают его, как я! Он не стал их плотью и кровью. Не притаился за их губами, за веками. Я совсем одна! Глупо ждать от них помощи. Мне никогда их не убедить. Это касается только меня и Зака.

В кухне повисает тишина. Вдруг в замке поворачивается ключ, и все мы вздрагиваем.

Пегги взяла с собой двух детей из трех – Алфи пять лет, Гасси три года.

– Ты дома! – восклицает она, вталкивая детей в кухню. – С тех пор как позвонила Джейн, я места себе не нахожу! Ты ехала так долго!

Она обнимает меня, мы с Джейн испуганно переглядываемся. Я не просила звонить сестре. Не знаю, что она ей сказала. Подруга чуть качает головой.

Гасси карабкается мне на колено и трогает меня влажными ладошками. Она легонько целует меня в губы. Щекочет лицо кудрявыми, как у мамы, волосами. Алфи в костюме Бэтмена играет с Говардом. Я их очень люблю, но сейчас мне хочется лишь положить голову на стол и закрыть глаза.

– Привет, Джейн! – говорит Пегги и тоже обнимает ее. – Привет, наш дорогой инспектор! Как мило, что ты пришла. Отличная стрижка! Выглядишь шикарно!

Поток слов выдает легкое недовольство Пегги, которое она испытала, увидев у меня обеих женщин.

Она усаживается на стойку. Волосы Пегги заплетены в две косы вокруг головы.

– Лиззи, я так рада, что ты вернулась! Подумать было страшно, как ты там одна, вся в мыслях о Заке! Ты должна быть в кругу семьи! – Еще одна шпилька.

Гасси требует поиграть «по кочкам, по кочкам», я качаю коленом вверх-вниз, держу ее крепко, прислонившись щекой к детской спинке. Вся в мыслях о Заке, как просто это звучит. Девочка пищит от радости.

– Еще! Еще!

– Гасси с удовольствием останется у тебя ночевать, – говорит Пегги. – У своей любимой тетушки.

– У своей единственной тетушки, – добавляю я.

- Не сегодня, - заявляет Джейн.

- Может быть... - начинаю я.

- Нет! - твердо говорит Джейн. - У Лиззи был тяжелый день.

- Я не подумала, - отвечает Пегги, мило улыбаясь. - В другой раз, крошка.

Алфи спускается со второго этажа с коробкой капиллярных ручек Зака. Он открывает крышку, переворачивает упаковку вверх ногами и высыпает ручки на стол.

- Молодчина! - восклицает Пегги. - Отличные маркеры. Попроси у тетушки Лиззи бумагу.

- Где взял? - спрашиваю я. У всех перья разной толщины. Зак обращался с ними очень аккуратно, чтобы не затупить, в коробке есть свое отделение для каждой. - Вообще-то они не для игры.

- Лиззи, он же ребенок! - вступается Пегги.

- Подаришь? - спрашивает Алфи, снимая колпачки.

- Может быть, когда подрастешь... - отвечаю я, не глядя на сестру.

Мне чудится, что она фыркает. Что ж, может, она и права.

- Ну, мне пора. - Морроу встает. - Так и не позвонила маме. Через пару недель у нее день рождения, и мы готовим вечеринку.

Я спускаю Гасси с колен и провожаю Морроу. Как же хорошо на улице! Ночной воздух холодит шею, забирается под свитер, щиплет голые ноги. Инспектор оставила мопед у паба в конце улицы. Это тупик возле перекрестка рядом с магистралью, по которой вечно с оглушительным ревом несется транспорт. Уличный фонарь раскачивается в такт гулу автострады. Она отстегивает шлем, стоя ко мне спиной, и я оглядываю захудалый пустырь впереди - трава, деревья, заросли ежевики. За ним светится Вандсуортская тюрьма. Тысяча шестьсот

заключенных, и у каждого свое преступление, свои нездоровые увлечения, свои ошибки. Само здание вызывает ужасные чувства. В свете прожекторов оно выглядит особенно зловеще, тут и там зияют темные провалы окон.

Морроу мучается со шлемом, пытаюсь застегнуть его на подбородке. Потом смотрит мне в глаза и спрашивает:

- Ты вообще ешь хоть что-нибудь? Выглядишь совсем отощавшей.

Я уверяю, что ем, хотя уже забыла, когда это было в последний раз.

- Ну ладно. Так что ты написала в письме?

- Как и у многих пар, у нас были свои взлеты и падения...

Я размышляю, не посвятить ли ее в некоторые специфические особенности характера Зака. К примеру, ему не нравилось, когда я читаю в его присутствии, и он мог выбить газету у меня из рук или спрятать книгу так, что невозможно было найти. Простое действие вроде закрытия посудомоечной машины – и он уже буквально искрит злобой. Мне следовало крайне внимательно подбирать одежду, вести себя как можно осторожнее, и поэтому я дико боялась бывать на людях, особенно на вечеринках, где так легко попасть впросак и разозлить его своим поведением.

- Так, пустяки, ничего особенного.

- Знаешь, твоя идея насчет Зака...

Я машу рукой, признавая собственную глупость.

- Знаю! Идея бредовая...

- Точно. – Она многозначительно смотрит на меня. – Держись!

Морроу трогается с места и машет мне рукой. Она сидит в комичной позе (человек на скутере всегда выглядит нелепо), доезжает до конца улицы, возле тюрьмы включает правый поворотник и исчезает. Если она не поможет, сама

справлюсь.

Я стою, чувствуя присутствие Зака за оградой. Он наблюдает за мной из темноты, из деревьев позади двора. Воздух вибрирует, будто наэлектризованный или где-то дрожит тончайший лист металла. Я прислушиваюсь, стараясь не обращать внимания на шум проезжающей машины, чтобы разобрать звук его дыхания. Я закрываю глаза и раскидываю руки.

- Приди ко мне! - шепчу я. - Если ты здесь, то приди! Ну же!

Так ничего и не дождавшись, возвращаюсь домой.

Зак

Ноябрь 2009

Сначала я счел кандидатку под номером четыре (Беззаботная 201) нахальной кокеткой. В отличие от остальных номер телефона она дала сразу. Услышав ее голос, понял, что девушка вовсе не напористая, просто наивная. Довольно застенчивая, немного заикается. Низший слой среднего класса, в своей профессии добилась успеха. Подумать только, библиотекарь! Я спросил, где она живет, на что девушка ответила: в Вандсуорте, возле тюрьмы. Снимает жилье с кем-то или живет одна? Одна. Пока мы болтали, я открыл карту района. Чуть западнее того места, где я встретил сладкую парочку, обнимавшуюся прямо на улице, но район тот же.

Вместо банальной встречи в баре я предложил славную долгую прогулку. Она задумалась и с восторгом воскликнула:

- Это гораздо лучше, чем бар! Какой ты молодец, что придумал!

Еще бы. Я ведь слышал, как лаяла собака, а голос девушки стал тише, будто она придерживала трубку подбородком, пока открывала дверь.

Первое впечатление оказалось так себе. Чудаковатая бесцветная птичка, одета в мешковатые джинсы и флисовую кофту, на поводке огромная зверюга, с которой она едва справляется. Хотя девушка описала себя в анкете как

«любительницу путешествий», вряд ли она выбиралась дальше пригородов Лондона. Увидев меня, вспыхнула до корней волос. Я продумал свой наряд (на этот раз никаких рубашек от Пола Смита), вещички из «Эйдж-Консерн», которые вполне понравились бы девушке, близкой к литературным кругам. С погодой не угадал – было слишком тепло. Вдобавок чертова сумка художника здорово отравляла мне жизнь на нашей «славной долгой прогулке».

По дороге к Вандсуортскому парку изо всех сил пытался ее расшевелить. То и дело смотрел на нее краем глаза, потом заметил, что она тоже за мной наблюдает. Как ни странно, это меня тронуло. При ближайшем рассмотрении у нее обнаружилось довольно милое личико и неплохая фигурка. Самое приятное, что она сама об этом не догадывается. Девушка грызла ногти, и мне пришлось взять ее за руку, чтобы прекратила.

Спросила про мою жизнь, я напустил туману. Уставившись вдаль, чтобы показать, как тяжело мне об этом говорить, признался, что отец был буйным алкоголиком, потом я много переезжал с места на место, работал за границей, нигде не мог обосноваться надолго. «Мне очень жаль!» – воскликнула она. Ее детство было вполне безоблачным, хотя в разговоре вскоре всплыло, что отец умер от инфаркта, когда ей было всего пять. Хм, значит, оптимистка. Интересно.

Наконец мы перебрались через железную дорогу, прошли мимо пруда и детской площадки, и я спросил, нельзя ли зайти к ней домой, чтобы выпить. Она засомневалась. Я позволил ей помучиться, пока мы шли к тюрьме – серая крыша с башнями, огромные запертые ворота, смахивающие на зубастую пасть, крикетная площадка на другой стороне улицы. Покинув парк, мы прошли по проулку с викторианскими особняками и свернули перед шумной улицей, которая справа раздваивалась до четырехрядной магистрали.

– Мне туда, – указала она на маленький переулок, – но лучше посидеть в пабе, если ты не против. У них и кофе есть.

Она указала на заведение на другой стороне.

Я игриво ответил, что против, однако ничего не вышло. Кстати, при чем тут кофе? За кого она меня принимает? Господи! Я дал ей понять, что мне не помешает кое-что покрепче. Она не дрогнула. Только покраснела до ушей и сказала, что можно зайти в следующий раз – «если он будет».

Ну и ладно. Я и так неплохо изучил окрестности. Она живет в одном из тех викторианских коттеджей, вероятно, построенных в свое время для тюремных служащих или садоводов. Красивая кирпичная кладка, кругом зелень, старинные фонари. Славный тупичок, хотя шум с магистрали и доносился, зато здесь практически никто не ездит. Престижный райончик, вломиться в дом непросто. Знаем-знаем, спрос превышает предложение.

Попрощавшись, я обнял ее за талию, наклонился и поцеловал, и она громко вздохнула. Похоже, к ней долго никто не прикасался. Думаю, она изнывает от желания.

Расставшись с нею, я поймал себя на том, что улыбаюсь. Ее губы на вкус как сахарные мышки, которых раньше продавали в деревенских лавках – розовые и сладкие. Слегка прикусив их напоследок, я ощутил упругую мягкость. Восхитительно!

Наш первый поцелуй не выходит у меня из головы.

Глава 6

Лиззи

Я просыпаюсь под шум дождя; капли стучат по стеклу, ветер завывает в щелях. Ночью Говард пробрался в спальню, теперь его нет. На часах десять тридцать утра. Прежде я почти не спала. Я мечтала уснуть и забыть о боли, но поток мыслей было не остановить. Наконец пронизанное чувством вины горе смешалось с истощением. Теперь я часто сплю мертвым сном.

Атмосфера в доме напряженная, будто он замер и прислушивается. Надеваю халат Зака, давно утративший его запах, обхожу комнаты. Когда здесь жила мама, всюду было полно комнатных растений и всяких безделушек. Стены оклеены яркими обоями – яблочно-зеленые и лимонно-желтые, в цветах. Зак их сорвал и выкрасил все в серо-голубой цвет – вышло довольно аскетично. Раньше мне нравилась простота без прикрас, теперь все изменилось. Похоже, я скучаю по прежнему облику дома. Захожу в гостиную, сажусь с ногами на диван. Я

передвинула его обратно в эркер, хотя Заку это не понравилось бы. И ковер купила – в красно-синюю полоску. Еще одна ошибка. Смотрится уродливо и аляповато.

На ковре след от кроссовок большого размера. Опускаюсь на колени и провожу рукой. Ворс светлеет. Стерев грязь, сажусь на диван.

Из кухни по ногам тянет холодом. Задняя дверь распахнута. Наверное, ветер. Испытав привычный приступ паники, зову Говарда. Он влетает в дом, отряхивается, но облегчения я не испытываю. Я кладу корм в миску, пес жадно ест. В прошлом году он много болел, поэтому я внимательно слежу за его питанием.

Возвращаюсь в спальню, открываю шкаф. Вчера ночью я сунула туда ноутбук Зака, и теперь он попадает мне на глаза. Шкаф как попало забит одеждой. Я не выбросила ни одной вещи Зака, и они смешались с моими. Где-то там лежат дорогие, но изрядно поношенные джинсы и элегантные топы, которые он мне дарил. А я то затяжек на них наделаю, то постираю в слишком горячей воде. Заку было трудно угодить. С тех пор как его не стало, я махнула на все рукой. Я ношу одежду, только чтобы прикрыть наготу. Спортивные штаны, свободные футболки, толстовки с капюшоном, серый бюстгальтер и трусики. Нижнее белье, которое он мне подобрал, – прозрачные скользкие детали из шелка и атласа, – лежат скомканными в дальнем углу ящика.

Почему он так упорно пытался меня приструнить? Неужели дело лишь в стремлении доминировать? Вряд ли все было так просто. Я чувствовала себя желанной. Он изучал мое лицо взглядом эксперта, иногда касался щек или губ большими пальцами словно художник, определяющий их пропорции. На одном из первых свиданий он отвел меня в универмаг, усадил на табурет и сказал: «Делайте с ней, что хотите!» При этом он внимательно следил за каждым движением продавщиц. После мы целовались в дверях магазина, он касался языком моих накрашенных губ, слизывая помаду.

Больше я косметикой не пользуюсь. Совсем. Это мое покаяние. Последний раз я видела свою тушь торчащей из стаканчика с карандашами, сухой как щетка для дымохода. В тот раз он купил мне красную помаду, благодаря которой мои зубы казались белыми как жемчужины. Он обожал ее вкус. Понятия не имею, куда она подевалась...

Из-под стопки нижнего белья достаю красные трусики-стринги, надеваю облегающее черное платье и колготки. В ванной нахожу остатки серых теней, неумело наношу их на веки. Потом щиплю себя за щеки и кусаю губы, чтобы они покраснелись. Если он за мной наблюдает, то воспримет это как знак. Белый флаг.

Мы с собакой выходим под дождь, в лицо дует ветер, из-под капюшона вижу лишь несколько футов дорожки. За последние десять лет район сильно изменился. Студенты и актеры съехали, их место заняли банковские служащие. Соседи друг друга не знают – люди переезжают слишком часто. Маме это ужасно не нравилось. До болезни она любила одалживать сахар и поливать чужие цветы, обращала внимание, когда бутылки с молоком застаивались на соседском крыльце.

Перехожу магистраль, иду к Вандсуортскому парку на другой стороне, где большие лужайки перемежаются дорожками и группами деревьев. Почти безлюдно – только самые стойкие любители пеших прогулок и фитнес-зависимые. Хотя дождь перестал, на мокрых теннисных кортах под изогнутыми ветвями яворов пусто. У кафе никого, зато на крикетной площадке проходит урок физкультуры. Дойдя до центральной аллеи, сворачиваю вправо. Раньше я гуляла по более глухой части парка позади лужайки для игры в шары, однако в прошлом году там убили женщину, и теперь я избегаю этого места. Обычно я хожу вдоль полосы препятствий, стараясь держаться дорожки, чтобы не запачкаться. На светофоре пересекаю улицу и направляюсь по Бельвью-роуд к местному отделению «Сэйнсбери». Привязываю Говарда к перилам, забегаю купить молоко и газету.

Внутри прохладно и пахнет томатным соусом, к запаху горячего хлеба примешивается нотка ванили. Возле отдела выпечки школьник, чье имя никак не могу вспомнить, пытается взять круассан неудобными щипцами, привязанными к лотку. Я улыбаюсь, он заливается краской, и я жалею, что смутила его. Работает всего одна касса, выстроилась изрядная очередь. Когда я наконец выхожу, у погрузочной площадки стоит фургон с продуктами, две большие тележки с чипсами «Уолкерс» загораживают от меня Говарда. Сердце замирает в груди. Сбегаю вниз, огибаю последнюю тележку и вижу пса там же, где и оставила. Сидит себе тихо, смотрит на проезжающие мимо машины.

По пути домой читаю газету. Протокол секретного правительственного совещания просочился в печать. Алан Мерфи вызвал возмущение оппозиции тем,

что выступил против анонимной приватизации. На фотографии к статье член парламента в ярко-желтой каске стоит возле новой библиотеки в Манчестере, построенной на средства корпораций, и радостно поднимает большие пальцы.

Едва открыв входную дверь, чувствую сквозняк. Громко шуршит штора, пахнет то ли грязным бельем, то ли соседской стряпней. Ставлю покупки на пол, сверху кладу газету. Края трепещут на ветру. Я стою и прислушиваюсь.

На улице непривычно шумно. С ревом заводится мотоцикл, по ногам проходит дрожь.

Дверь в гостиную закрыта. Я не помню, чтобы закрывала ее перед уходом.

Распахиваю дверь и потрясенно смотрю внутрь. Дыхание перехватывает.

Окно разбито, на диване мертвая птица. Голова свернута набок, крыло нелепо выгнуто. Темно-серая, перышки на шее переливаются всеми цветами радуги, глаза остекленели, клюв полуоткрыт. Лапки розовые, пальцы скрючены.

Вокруг трупика лежат крупные куски стекла. Разбитое окно щерится осколками.

Подходить страшно, но я просачиваюсь в комнату и сажусь на краешек кресла. Диван и пол сверкают от крошечных осколков. На кухне шумит холодильник, с улицы доносится рев транспорта. На меня обрушивается чувство одиночества. Жалость к птице мешается с жалостью к себе. Бедная птичка, думаю я. Увидела отражение деревьев в стеклах и угодила прямо в окно? Должно быть, летела она быстро. Я склоняюсь, чтобы рассмотреть ее получше.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Песня «Грейс Келли» британского певца Мика (настоящее имя Майкл Холбрук Пенниман). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

2

«Антикварные гастроли» – популярная телепрограмма на Би-би-си. Антиквары-профессионалы разъезжают по стране и оценивают старинные предметы.

3

Матар панир – зеленый горошек и сыр в томатном соусе. – Примеч. ред.

Купить: https://tellnovel.com/dyuran_sabin/zapomni-menya-navsegda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)